

A photograph of a man with a mustache and goatee, wearing a dark military cap with a red band and a dark jacket. He is sitting on a wooden chair, leaning back with his hands on his hips. He is shirtless, revealing a tattoo on his left chest. The background is a weathered, grey wall with peeling paint and some faint markings. The text is overlaid in red on the image.

БОРИС ЕГОРОВ

ВОРОБЕЙ
В
ПУСТОЙ КОНЮШНЕ,

ИЛИ

ИСПОВЕДЬ РАЗДОЛБАЯ - 2

Борис Егоров
Воробей в пустой конюшне,
или Исповедь раздолбая – 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21125715

ISBN 9785448315893

Аннотация

Эта книга – продолжение уже опубликованной «Исповеди раздолбая». Рассказы о моей нескучной и разнообразной жизни в разных уголках страны и всякой заграницы.

Содержание

А для начала я скажу	6
Психиатрический аспект	8
«Эх, Любаша! Такого агента загубила...»	10
Гуманизм советской власти	13
Не откладывай на завтра	15
Звезда Давида в домашнем исполнении	19
Чужую беду руками разведу	22
Это – жизнь?	26
Ай да композиция!	29
Искусство принадлежит народу	31
Балык, хиппи и цивилизация	35
Венецианские понты	39
Вспоминая мамонтов...	41
Мы на лодочке катались...	44
Интермеццо среди ночи	47
Татарская розетка	49
Форсмажор...	51
А кто у нас мама?	54
Полет, типа шмеля	57
Ах, эта свадьба	60
Защита детей, говоришь?	63
Жизнь вместе с народом	67
Шажок в сторону	70

Лечь бы на дно, как подводная лодка	75
Сколько веревочке не виться	80
Здоровая конкуренция – основа успешного бизнеса	85
И не морочь людям головы	88
Обычный день бродяги	90
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Воробей в пустой конюшне, или Исповедь раздолбая – 2

Борис Егоров

*Когда свобода захлестала,
Как тот потоп, из всех щелей,
Себя я чувствовал, как будто
В пустой конюшне воробей.
И сквозняки, и одиноко,
И не пойму – зачем я здесь?
Инако мыслить захотелось?
Ведь говорили, блин – не лезь!
Теперь хлебай свою свободу.
Но – сам на сам! Друзей не тронь!
Ты позабыл свою породу.
Ведь ты – воробышек. Не конь...*

© Борис Егоров, 2016

ISBN 978-5-4483-1589-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

А для начала я скажу

На каком-то – не помню точно – этапе жизненного пути до меня дошло, што искать идеальную женщину не имеет никакого смысла. Они просто в природе не существуют. То же самое можно с уверенностью сказать и о мужчинах. В каждом человеке намешано и черное и белое. А што вылезет на первый план в процессе жизни – это, по мне, зависит от воспитания. Иван Охлобыстин в одном из своих интервью сказал: «Честно говоря, я вообще не верю, что человек способен измениться. Просто он может себя в каких-то ситуациях контролировать, а в других – не контролировать.» Именно поэтому у меня быстро пропало доверие к людям из церкви, которые гордо заявляли, что у них «древнее ушло, теперь – все новое». И что они нынче – «возрожденные». У меня, к примеру, никуда древнее не девалось. Новое появилось, но и старое все при мне. Просто я задвинул его в самый дальний угол и стараюсь о нем не думать. Но – врать не буду. Бывает, што «тяжкое наследие прошлого» высовывает свое рыло самым наглým образом. К счастью, это случается все реже.

К чему я веду? Да к тому, што в этой книжке описаны разные ситуации, в которые я попадал. И во всех – я в конце концов получал жизненное подтверждение словам – «относись к другим так, как ты хочешь, чтобы относились к те-

бе». Можете примерить на себя мои приключения и прикинуть – а как бы вы себя повели в таких... буераках судьбы?

Психиатрический аспект

Была у нас в Москве соседка пенсионного возраста по кличке Бацилла. Она всех, кто бы ни попался ей на глаза – психами называла. Так сказать, диагностировала. Вспоминаю ее сейчас – и размышляю. А далека ли она была от истины?

Начну с себя. Никак не укладывалось у моей мамани в голове – чего мне не хватает дома? Ведь, если будучи школьником я все время ходил во всякие походы и мотался по туристическим поездкам, то, вернувшись из армии, начал пропадать надолго. По полгода и больше не бывало меня в Москве. (А последний отъезд все продолжается. Уже двадцать пятый год.)

И решила маманя науку привлечь. У одной из маминых подруг дочка нашла себе мужа – врача—психиатра. Маманя возьми, да обратись к нему за консультацией. Этот... эскулап приперся к нам – маманя его представила, вроде как человек пришел чайку попить. Ну да. Конечешно! Дома у него воды – нет! А с другой стороны – да пусть пьет! Тем более, что на вид он был совершенно нормальным – не зная точно – никогда не скажешь, что он психиатр. И поведение было абсолютно... адекватным. Хоть не спрашивал меня – не вижу ли я по ночам в своих глазах мальчиков кровавых. Или голых лошадей.

И только года через три добровольно маманя созналась – поставил этот чаехлеб мне диагноз. Нашел он у меня болезненную страсть к перемене мест. Даже название у нее есть научное – дромомания. По психиатровым рецептам маманя купила дорогие по тем временам таблетки и подмешивала их куда не лень. Но, когда я, сожравши четыре упаковки пилюль, или, другими словами, одну маманину зарплату, исчез из дома на полтора года – маманя всячески обозвала науку психиатрию и успокоилась по поводу моей дромомании. На людей не кидаюсь – и то ладно...

Правда, временами я сожалел, что этот дохтур не нашел у меня какой-нибудь психической болезни посерьезнее. В шестидесятые – семидесятые годы того еще века мода была у определенного контингента – чуть что случись – даже просто тучки над головой собираются – прятаться в дурдом от силовых структур. Серьезных людей туда... им настоятельно рекомендовали. А мелочь пузатая хвастала, помню, друг перед дружкой всякими вялотекущими шизофрениями. Во болезнь! И звучит жутковато, и на свободе человек гуляет.

А теперь, когда обветшали мои составные части, смотришь вокруг – ну, сплошная эта самая вокруг... вялотекущая. Ре-е-едко когда просвет заметишь...

«Эх, Любаша! Такого агента загубила...»

Во мне, по ходу, климакс бушует. Склеротицкий. Че ни вспомню из прошлой жизни – все про любовь...

Закончился десятый класс, сданы были экзамены. Все одноклассники занялись своими делами – кто на работу устраивался, кто институт выбирал. Я сначала хотел сразу пойти по тропе старшего брата – на факультет журналистики МГУ. Вообще-то я просился у отца направить меня в двухгодичную лесную школу КГБ. Но батя покойный был человеком интуитивно дальновидным, и свертел мне здоровенный кукиш: «Кончай любой институт. Хоть лесного хозяйства. А уж потом – милости просим».

Ах, гордыня, гордыня. В молодости мерещится – все сам могу. Короче, приперся в школу дядька в армейском мундире – звать в военный институт иностранных языков. Ну, я и подал туда документы. Было там собрание абитуриентов. Какой-то седой генерал много чего наговорил. Но мне запомнилось – «Если вам прикажут стать китаезой – вы им станете! Но! Нашим, советским китаезой!» Я бате про это рассказал, дык его даже профессионально перекосило: «Пьяный, что ль, он был? Он бы еще по телевизору выступил с такими словами. Работнички, мать их...»

Все бы ничего. Но – некогда мне было готовиться к экзаменам. Любаша – из параллельного класса – помешала. У нас с ей была вполне любовь. Дамочка была очень даже развитая, сама по себе – перворазрядница по спортивной гимнастике. И папа, и мама имели честь зону потоптать. И было еще два старших брата, которые активно готовили почву для своей первой ходки. В смысле, все части 206-ой (по старому УК) у них были на лбу написаны.

Я почему по жизни всегда старался к женщинам бережно относиться? Да потому, что хватало ума иногда не наступать на старые грабли.

Любаша настоятельно требовала ежедневных свиданий. По летнему времени вопрос – где примоститься – не стоял. И вот, когда я отменил два следующих свидания по причине консультаций по истории СССР, Любаша подозрительно усмехнулась: «Та-ак. Другую нашел? Ну, попомнишь...» И проломилась с треском сквозь кусты, одеваясь на ходу. Если честно – я сразу ничего не понял.

Зато на следующий день до меня дошло. Потому, как я попал на консультацию не по истории СССР, а... ну, типа, как надо себя вести в приличном обществе. Два Любашинных брата поймали меня на автобусной остановке, проводили в кусты, и начали дудохать. Мой бокс помог мало, только обозлил их. Не знаю, что от меня бы осталось, но раздался вопль, и братья отскочили в стороны. Любаша сначала оплеухами посадила братьев на землю, а потом с размаху упала

на меня, и заорала: «Я вас, падлы, поубиваю! Я же просила легонько!»

Было дело, потом с этими братьями встречались, пиво пили. Ржали над собственным идиотизмом.

А в военные иностранные языки меня не взяли. Один тамошний источник сказал мне по-тихому: «У тебя слишком внешность заметная. А нам неприметные нужны».

Так что... Я в том смысле, что получается так – либо надо любить свою женщину, либо – любить свое дело. А совмещать – получается только на компромиссах...

Гуманизм советской власти

Ну вот. Вычитал – посадили где-то в дальней иностранщине учительницу за секс со школьником. Типа, совратила. По мне, темное это дело...

В бытность мою в старших классах были у нас уроки пения. Учительницей была Светлана Сергеевна... то ли Куперман, то ли Кантерман. Точно – не Рабинович.

Ух, какая была... Маленькая, стройненькая. Туфли всегда на высоком каблуке, так што ножки у нее были – просто прелесть. К косметике, помнится, она как-то странно относилась. Здоровенные свои черные глазищи мазала... со страшной силой. А губки свои розовые и прелестные помадой даже и не трогала. А еще у нее мода была улыбаться краешком рта. Короче, в какой-то момент я сомлел.

Ну, это надо было видеть. Начал я Светлану после уроков терроризировать. Притаскивал из дома всякие сувениры иностранные, и изо всех сил делал вид, что жить не могу без классической музыки. Она была женщина неглупая, все, по ходу, поняла. От сувениров отказывалась, и играла мне на рояле всяких тама... Бетховенов. Улыбаясь краешком рта.

Доулыбалась.

В один прекрасный день она ничего не поняла толком, но оказалась на том самом рояле. Не имея опыта, я ввел ее

в убытки – все застежки-молнии попереломал. И, то ли рожь громко резонировал, то ли Света слишком громко объясняла мне, что я не прав. Но в класс пения вперся Яков Семенович Гольдберг. Который – завуч.

И ведь, рожа немытая, нет – чтоб уйти. Умнейший вопрос задал: «А что здесь происходит?» У Светы глаза съехали к переносице, а я вскочил и пошел к завучу. У того сработал инстинкт самосохранения, и он испарился.

Пытались Светлану Сергеевну обвинить в растлении малолетних. А я, как обычно, кинулся исповедоваться к папане – в смысле, это я виноват, она тут с боку припеку. Он сначала с удивлением слушал, потом начал ржать, а потом сказал: «Разберемся...»

Сходил папаня в школу, потом завуч меня обходил стороной. А Светлана Сергеевна? А она ниче. Дальше пение преподавала...

Не откладывай на завтра

Вот товарищ Аджабраил жизнь видел только из окна персонального автомобиля товарища Саахова. А я до десятого класса эту самую жизнь разглядывал, уютно устроившись в папаниных ежовых рукавицах. Где-то подспудно я чувствовал, что реальность очень редко совпадает с тем, что писали в советских книжках. А после поступления на журфак МГУ, когда папаня отпустил меня в свободный полет, я стал радостно тыкаться во все темные углы окружающей меня действительности. И очень быстро убедился, что все современные писатели – за очень редкими исключениями – одно жулье. Но остаточные явления книжных розовых очков не раз и не два ставили меня в очень хреновые положения.

Одно время я постоянно околачивался в редакции «Московского комсомольца». Там было много таких оболтусов, как я. Занимались с нами два человека – Саша Аронов и Юра Щекочихин.

Как сейчас вспоминается, Аронова мы малость побаивались. Он молча смотрел на будущих светил журналистики с таким задумчивым любопытством, что хотелось сразу перестать отнимать у него его драгоценное время. И убежать к Щекочихину. Когда я в первый раз увидел Юру, то решил, что он здорово похож на Гурвинека. Как я теперь понимаю, Юра был умнейшим человеком с даром учителя. Когда он

заворачивал дубово написанную информашку, то после его слов и обидно не было, и понятно становилось – что у тебя не так.

Когда я вернулся из армии, Щекочихин уже перешел в «Комсомолку». И я опять стал ходить к нему.

Однажды Юра кинул в меня спичечный коробок и сказал: «А хочешь в командировку съездить?» В те времена проводили футбольный турнир «Кожаный мяч» – для детских дворовых команд. И совершенно для всех неожиданно первое место заняли мальчишки из-под Николаева. Об этой команде раньше никто и слышать не слышал.

Вот мне и было предложено съездить туда и написать – как команда и тренер добились таких выдающихся результатов. Ясный пень, я с радостью согласился.

Нда-а... Когда тебе двадцать лет, и ты ни хрена, в принципе, в жизни не понимаешь – оно впечатляет, если тебя в аэропорту города Николаева встречает черная «Волга» из обкома комсомола. И в самом обкоме вокруг тебя пляшут солидные люди, стараясь предугадать все твои желания. Ну, как же! Приехал не хвост собачий, а представитель печатного органа ЦК ВЛКСМ!

В общем, покормили, помню, меня в обкомовской столовой (больше похожей на ресторан), посадили в уазик и отправили в нужный мне поселок.

Тренер мальчишек Витя встретил меня настороженно. Когда сопровождающие меня лица отвалили обратно, тренер

помялся и пригласил меня за стол. «Вы... извините... как насчет... для аппетита?» А мне чего-то приелось чувствовать себя Хлестаковым. Я и говорю: «Витя, давай на ты, и попроще». Он улыбнулся, вздохнул с явно выраженным облегчением, и... понеслась.

В те года я мог много выпить, не теряя, извините за выражение, константуума восприятия. А Витя вообще водку хлестал, как воду.

Короче, к вечеру мы стали корефанами – не разлей вода. И он потащил меня на Буг рыбачить. А дальше в памяти все перепуталось. Помню только, что один раз я попытался поговорить с мальчишками-футболистами. И они мне успели рассказать, что им очень помогли московские пацаны – даже свои бутсы давали на игры. А потом пришел Витя и утащил меня – он потребовал продолжения банкета.

В конце концов за мной опять приехал уазик. Мы с Витькой пообнимались, обменялись адресами и он сунул мне в сумку бутылку и две дыньки-колхозницы.

В обкоме очень представительная дама удивленно посмотрела на мой измочаленный вид, завела меня в роскошный кабинет и попросила подождать – типа, она за билетом моим до Москвы ходит.

А мне стало плохо. Организм был молодой, к отраве в таких дозах не привыкший. Тем более, что ели мы с Витькой редко и мало – в основном пили. В общем, совершенно произвольно вывернуло меня наизнанку прямо на ковер.

Я выскочил в коридор, увидел напротив дверь туалета и закрылся там в кабинке. В себя приходил. Слышал снаружи вопли: «Понасылают всяких сральников!»

Не помню, сколько я на толчке просидел. Потом потихому выбрался и к выходу прошмыгнул. А там вахтерша какая-то с брезгливой ухмылкой тормознула меня и сунула конверт. В нем был билет на поезд. Ох...

Вернувшись в Москву, поехал я в редакцию. Снизу позвонил Юле Щекочихину. Он не стал мне выписывать пропуск, сказал, что сейчас сам спустится. Спустился. Выражение лица у него было... в общем, нехорошее. Он спросил: «Что ты там натворил?» Я по молодости лет попер в несознанку: «Да ничего! Все было нормально!» Юра с минуту помолчал, глядя на меня: «Ладно. Отписывайся, потом разберемся», Повернулся и ушел.

Больше я ему не звонил, и к редакции близко не подходил. Стыдно было. И висела у меня на душе эта история долго. Много лет прошло. Вернулся я как-то из очередных странствий, и стукнуло мне в голову – надо встретиться с Юрой, извиниться.

Стал его разыскивать. И узнал, что извиняться уже не перед кем. Умер Юра...

Звезда Давида

в домашнем исполнении

И чего я в ювелирах не остался? Работа тихая, домашняя. И всегда есть, на что выпить. Правда, много шансов по башке получить от расхитителей социалистической собственности. Ну, это уж... какое у кого – единство противоречий.

Было время, я лазил по Москве в поисках интересных людей. И попал как-то в гости к, извините за выражение, ювелиру-любителю Алексею. Он делал кольца, печатки и кулоны-медальоны всякие. Свой метод Леха гордо и научно называл – «центробежное литье по выплавляемым моделям». И напросился я к нему в ученики. Лепишь, бывалыча, из пчелиного воска пэрстень поздоровее – работники мясных отделов в продуктовых магазинах почему-то слабость к таким «болтам» имели. Потом со всякими тонкостями ставишь конструкцию в обрезок трубки – форму. Кладешь сверху кусок серебряной ложки, или полтинник 24 года издания. И – под газовую горелку. Форма стоит на подставке с веревкой. Как только серебро забегает шариком, так хватаешь веревку и мотаешь в воздухе по кругу, что есть духу, эту... центрифугу. Ну, а далее – расколачиваешь гипс и смотришь, что получилось.

Жизнь была нескучной, потому как клиентов у Лехи было

навалом. С золотом он не связывался. Влетел однажды прилично. Заказали ему дубликат серебряной печатки его же изготовления – только из золота. Леха по неопытности взялся за это дело. Заказчик принес, как исходный материал, несколько обручальных колец. В его присутствии все было аккуратно взвешено на аптечных весах. А потом...

Леха мне объяснил так: «Хрен его знает, что там было в этих кольцах, кроме золота. Но, когда я сделал отливку и разбил форму – отлилось только половина где-то модели восковой. Остальные примеси выгорели при плавке, так я понимаю». А заказчика совершенно не колыхали технические тонкости. Он обвинил Леху в аферизме и набил ему морду – из мясников был дядя, крепенький. Чтобы расплатиться, Лехе пришлось у собственной бабушки украсть какую-то рыжую побрякушку. Она была из дворян, и такого барахла у нее имелась целая шкатулка. Зато внучок, чтобы успокоить свою совесть, привез ей потом букет цветов и торт. После чего бабушка смотрела на него подозрительно и неохотно пускала его в дом.

Кроме печаток, у клиентов почему-то пользовались большим спросом медальончики с еврейской звездой магеноввидом. Моделью у Лехи была какая-то маленькая типа оловянная медалька. Он меня уверял, что она досталась ему в подарок от израильского солдата. Серебряные копии этой звезды Давида разбирались очень лихо – причем людьми, совершенно внешне не похожими на евреев.

И как-то звоню я в дверь своему наставнику. Дверь открылась сразу, и какой-то мужик при галстукe за рукав пригласил меня внутрь. Я, спотыкаясь, влетел в квартиру. Там было много народу, и все – при галстуках. Один дядька глянул на меня: «Ну-у! Этот – точно не из русских дворян». А Леха сидел на диване со злобно-кислой физиономией.

В общем, кто-то где-то наступал на Леху – про звезды Давида. Его спасло гинекологическое древо – он действительно был древнего русского дворянского рода. Всю аппаратуру только конфисковали.

А меня долго воспитывали в черной «Волге». Типа, папа ваш – наш коллега, а его сын участвует в подрыве устоев. Я знал, что папаня меня за такие новости удавит и вабще. Терять мне было нечего, поэтому я угрюмо пробурчал: «Позвоните ему. Пусть сам разбирается». Которые при галстуках – подумали, подумали, и выпихнули меня из машины: «Мы еще увидимся!»

А папане я все ж таки обо всем рассказал. Он меня утешил: «Мудак ты. И все тут...»

Чужую беду руками разведу

Одно время жил я в маленьком российском городишке. Можно сказать – в поселке городского типа. Короче, это была натуральная деревня с легким налетом технического прогресса. В виде частичной канализации и телефонизации.

Народу в поселке жило немного, все друг дружку знали. Новости распространялись по округе с непостижимой скоростью – точно быстрее, чем по интернету (которого, кстати, тогда еще не было).

И вот «как-то вдруг вне графика разнеслася весть». В поселке появились хулиганы. Не, они и раньше злись были, но – свои, ручные. Один, Митяй, набравшись самогону, ходил по поселку, орал матерные частушки и доводил до нервного истощения дворовых собак. А другой хулиган – так тот вообще был двоюродным братом местного участкового. И все его хулиганство заключалось в том, что он по пьяни вешал милицейскую фуражку, уведенную у брата, на стену дома, и кидался в нее собачьими какашками, которые собирал в специальное ведро.

А вот новенькая тройца вела себя совсем неприлично. Один из них – Леха – был местный. Отслужил в армии, вернулся и запил. Отца у него не было с детства, мать – умерла – каким-то денатуратом отравилась. Работы в округе не было, поэтому Леха пробавлялся мелкими калымами и халтурами.

А откуда появились два его лихих дружка – так толком никто и не понял. Начала эта компания свою... оппозиционную деятельность с того, что расталкивала в сельпо народ и брала, что им было надо, без очереди. Люди в поселке привыкли к спокойной, размеренной жизни. И от такого нахальства просто терялись. Возмущались себе под нос, и махали рукой – типа, хрен с ними, пусть без очереди берут.

Домахались. Этим троим понравилось отсутствие сопротивления, и они помаленьку начали берега совсем путать. Дошло дело до того, что они отбирали у людей покупки, могли зайти в любой дом и потребовать угощения. При малейшем намеке на недовольство втроем лупили всех подряд.

Ну, я тогда молодой был. Во-первых, здоровье было, как у лося. Во-вторых – нахальный. И, хоть меня и не коснулось начавшийся беспредел, но снизу у меня... засвербило. Очень мне этот бордель не нравился.

Лось – лосем, но я знал, что все три эти кренделя – ребята крепкие. Поэтому я решил привлечь для поддержания штанов своего соседа Николая. Здоровенный мужик, бывший сержант из войск дяди Васи. Сейчас Коля работал помощником машиниста, жена его – где-то бухгалтером была. В общем, дом был – полная чаша. Даже ванна там внутри была, и унитаз. Во дворе стоял заботливо укрытый «Москвич-403», в сарае – корова, бычок и пяток хрюшек.

Пришел я к Коле – он был не в поездке. Сели за стол, жена его быстро накрыла всего понемножку. Тягнули по стакан-

чику, и я изложил соседу просьбу-предложение. Коля с хрустом потянулся: «А на кой хрен тебе это надо? Тебя же не трогают». Я даже не нашелся, чего ответить. А Николай налил еще по стаканчику и продолжил: «Борька, послушай умного человека. Ну, отметелим мы с тобой эту рвань. А дальше что? В райцентр поедем, там порядок наводить? Там таких – хоть жопой ешь! Милиция есть – вот она пусть ими и занимается. Не хватало мне еще самому себе срок намотать».

Ну, я его понял, пожал плечами и откланялся. Но идею свою не оставил.

В общем, отдубасили меня эти трое ребяташек – даже и вспоминать неохота. Я только и успел одному передние зубы выбить...

Но – обошлось, в принципе. Сломать ничего не сломали, вот только писал с неделю чернотой какой-то. Короче, отлежался.

Собирался я съездить в Москву за подкреплением – не хотелось как-то в долгу оставаться. И вдруг ко мне заявился Николай. Прямо с порога сразу сказал: «Боря, я тут подумал... В общем, был неправ. И вообще – ты ж мой сосед, а с тобой вон как! Обидно мне. Если ты очухался – пошли, накажем этих б...й!»

Нда-а. Коля вошел в такой раж, что мне досталась только роль зрителя. И усмирителя эмоций – Колю я с большим трудом оттащил от трех тел, завязанных разнообразными уз-

лами. (Их потом с трудом откачали в райбольнице, а оттуда без пересадки они отправились топтать дальние края – все от них потерпевшие написали заявки. Поэтому и Колю особенно не мурыжили. А меня – тем более.)

Как я был благодарен Николаю за такое соседское отношение. До тех пор, пока не узнал, что он взбесился после того, как узнал, что у его жены те хулиганы отобрали сумку с покупками и дали ей пинка.

И вот, сколько я прожил уже, так ничего и не поменялось. Большинство людей принимают близко к сердцу только то, что касается их лично. А чужую беду – руками разведу.

А участкового тамошнего с работы уволили.

Это – жизнь?

Как-то мы с приятелями пошли пиво пить. Сидячие места все были заняты, и мы расположились у стойки. Около меня пил пиво здоровенный дядька, который принес уже девятую и десятую бутылки. Я еще, помню, подумал – конечно, с таким животом можно и по двадцать бутылок пить. А когда этот дядька рядом опять встал, я значок углядел на пиджаке у него. Даже поперхнулся, когда фыркнул – это был значок «Юный турист»! Можете себе представить – дядька килограммов на сто пятьдесят, живот огромный, физиономия, как у наемного убийцы из кино – угрюмая, в черной щетине. Дядька покосился на меня и пробурчал: «Чего это ты разве-селился?»

Я на всякий случай улыбку убрал и показал на значок: «Поносить взял? У сына?» Дядька приложился к полной бутылке и отставил ее, уже пустую, в сторону: «Я этот значок честно заработал, своим трудом. Так же, как и все, что имею в этой жизни. Ты знаешь, сколько я раз в походы ходил? Хрен сосчитаешь! Лучше меня никто с компасом не мог обращаться. А уж костер с одной спички зажечь – это вообще как два пальца...» И он с журчанием вытянул еще одну бутылку. Посмотрел ей в горлышко, поставил на стойку и пошел за очередной порцией. На этот раз дядька принес сразу шесть бутылок. Подряд выпив две штуки, он опять повер-

нулся ко мне:»

«Вот скажи ты мне – в школе ты учился?» Я кивнул головой – конечно! Он тоже кивнул: «Свой выпускной помнишь? Ну, ясно дело – помнишь. По-тихому – как у вас было? Ну, кроме тортов – мортов? У нас человек пять только на весь класс было, кто самогоночки лизнул.» Я пожал плечами: «Ну, у нас у парней по бутылке бормотухи было, а у девчонок вообще один пузырь шампанского на всех.» Дядька несколько раз кивнул головой: «Во-во! У меня жена завхозом в третьей школе. Так рассказала – у них после выпускного – что в мужской, что в женской уборной урны полные были одноразовых шприцов. Это – что?» И дядька выдул следующую бутылку. Потом навис надо мной, как... небритая скала: «А насчет походов я тебе вот что скажу. Была бы возможность – я бы и не задумался – все бы сейчас бросил, пиво это идиотское – из-за него пузо во какое отрастил! И как бы я сейчас зафитилил с рюкзаком как можно дальше от всего вот этого!» И с таким надрывом дядька все это выговорил, что мне стало совсем не смешно. Я pokrutil головой и сказал: „ Ну и... зафитили. Че тебе мешает? Собирай рюкзак и – вперед.» Дядьку всего передернуло даже от моих слов: «Да? Рюкзак, говоришь, собери? А выводок мой – ты будешь на жратву зарабатывать?! Какой поход, когда я забыл, что такое выходной-то! Кроме работы, только и знаю, что по калымам да по халтурам. Я уж не помню, когда в последний раз вот так стоял с пивом. Все бегом, на-

спех! Нет, это что – жизнь? Это жизнь, по-твоему, я тебя, щенок, спрашиваю?! Все от нее удовольствие – это пива на-хлебаться! Не, ты подумай своей башкой – все удовольствие, для чего живешь – это пиво! Хыть-тьфу!!!»

Ай да композиция!

Впервые я остался без документов в середине 80-х годов. В те времена я каждый год по весне ехал в Гурьев (который нынче Атырау) на полевой сезон. Там находилась база нашей геологической экспедиции, в которой я работал бурильщиком. Вот и в тот раз я тихо-мирно катил на работу в поезде «Москва – Душанбе». Не шалил, никого не трогал. Примуса у меня не было, так я соседям кроссворды разгадывал. А потом... а потом как всегда. У меня увели сумку и с вещами и с документами. В те времена я не помню ни ОДНОГО случая, чтобы у меня проверили документы. Хотя мотался по Союзу постоянно и трезвенником не был. Но при всем при этом был я местами личностью законопослушной, поэтому от большого ума распрощался с соседями и слез с поезда в Актюбинске. На вокзале обратился к милиции нашей доблестной и все объяснил. Рассказы мои записали, а мне сказали – все проверим, и если подтвердятся твои... показания – выдадим новый паспорт. А пока – месячишко у нас посидишь. До выяснения. Так я впервые столкнулся с таким заведением, как приемник – распределитель.

Впоследствии я узнал, что в подобных конторах постоянно практиковалась сдача бродяг в аренду. Либо на день, либо... насовсем. От цены зависело. А вот тогдашний начальник приемника в Актюбинске сделал проще. Он догово-

рился с кондитерской фабрикой и бродяги колотили ящики под конфеты. За это они получали по вечерам тарелку каши и пачку самых дешевых сигарет. Раз в неделю приезжала машина с тарной дощечкой, в которую после разгрузки закидывали готовую продукцию. Два бродяги, по мнению начальства не склонные к побегу, ехали на фабрику в качестве грузчиков. Однажды мне довелось в этой роли выступить.

Пока мой напарник занимался разгрузкой – погрузкой, я в соответствии с полученными инструкциями бегал по цехам с двумя наволочками, которые быстро наполнялись всякой... кондитеркой – конфетами всех сортов, мармеладом, ломаным шоколадом... А потом я заблудился и попал в подвал с длинными стеллажами, на которых стояло множество здоровенных разноцветных стеклянных бутылей. Какой – то древний дед вылез из-за стола, за которым сидел, и спросил: «Из кутузки, што ль?» Получив утвердительный ответ, налил мне один за другим два стакана кондитерской «композиции». Убийственная жидкость градусов семидесяти крепостью и очень вонюче – ароматная.

Очнулся я уже в кутузке на нарах. Под глазом был свежий синяк – сувенир от дежурного по приемнику – распределителю. А на словах он мне велел передать – «пусть радуется, что здесь срока не добавляют. А то бы он у меня отсюда вышел вместе со мной. Я – на пенсию, а он – на свободу!»

Искусство принадлежит народу

«Так случиться может с каждым, если пьян и мягкотел.»

Я напевал эту песенку себе в утешение, проходя мимо парковых скамеек и заглядывая под них в поисках пустых бутылок. Да, да! Бутылок! А что прикажете делать, если очень-очень кушать хочется, а в карманах – и рупь не ночевал!

Ну, если вам интересно – могу объяснить. Работал я в те года в Актюбинской области на своих буровых. А в родной город Москва наведывался, как гость – культурки прихлебнуть. Вот и в этот раз приехал я в Москву – как приличный человек. Что-то затосковал я по цивилизации. Захотелось вдруг обойти все музеи, изучить новинки ВДНХ; если получится – попасть в театр на Таганке и в театр Ленком. Посмотреть там на живых Высоцкого и Караченцева. Чтоб было потом о чем рассказать браткам – буровикам. В общем, планов – громадье... И началось все хорошо. Выставку достижений народного хозяйства за день всю облазил. А вот когда на музеи переключился... В Третьяковской галерее познакомился я с женщиной. Точнее сказать – она со мной познакомилась. Она меня научила, как надо на картины смотреть через дырку в кулаке. Чтобы рама в глаза не бросалась. Дама солидная такая. В темном костюме, в очках, никакой помады на ней. Слово за слово – разговорились. Она, как узнала – зачем я приехал – руками всплеснула. «Бож-же мой! И у ко-

го-то еще поворачивается язык ругать современную молодежь! Уровень развития у нее, видите ли, низкий! Запросы, понимаете ли, примитивные! Вот стоит передо мной современный молодой человек, который приехал из Актюбинска в Москву не на футбол! Не на концерт каких-нибудь звезд эстрады!» Ну, в общем, и так далее, и так далее. Я, честно сказать, с отвычки малость сомлел от удовольствия. Не приходилось мне про себя такое слушать. Я еще, помню, резко зарубил себе на носу: «Следи за языком! Соответствуй... непримитивному запросу.»

Пригласила она – звали ее Изольда – меня к себе. Вроде как альбомы испанских художников посмотреть и с мамой познакомить – чтоб утешить ее. Показать, что не вся нынешняя молодежь – алкоголики и наркоманы. Я замялся – с пустыми руками не привык по гостям шастать, а тут... Жевал, жевал мочалку, а Изольда мне и говорит: «Да прекратите вы выдумывать. Ничего не надо. Мы с мамой одну бутылку коньяка уже полгода пьем, и в ней еще больше половины.» Я встрепенулся: «Изольда! Один момент!» И нырнул в ближайший магазин. Там взял три пузыря коньяка «Арарат» и кучу всяких шоколадов. Этой... Изольде сказал: «Чтоб вам еще на полтора года хватило.» Какой приятный смех был у этой дамы...

В общем, вся эта история выеденного яйца не стоит. Мама ее оказалась вовсе и не мама, испанских альбомов там и в помине не было, и за полгода эта пара... искусствоведок, по-

моему, вполне бы выдула железнодорожную цистерну коньяка. В три дня и три ночи они посадили меня на мель. Я вылетел в трубу. Даже неприкосновенный запас каким-то образом улетучился. Когда до них дошло, что коровка перестала доиться, они, не мудрствуя лукаво, поинтересовались у меня – есть ли у меня в Москве знакомые. По той простой причине, что им срочно приспичило ехать в Сыктывкар к тетке. Ну, ясно... Я только и спросил, одевая кроссовки: «А что, тетка – она тоже... художница?»

Вот такие пироги. С котятками. В первую очередь я, как Мимино, продал часы (в отличие от него – удачно). И, как в песне Владимира Семеновича (у него, по-моему, на любую ситуацию в жизни песня найдется!): «В Сочи рупь последний трачу – телеграмму наката: «Шлите денег! Отбатрачу. Я их все продохотал.»

Нда-а... Девять дней сидел я на диете. Правда, один раз повезло. Нашел я столовую, где хлеб на столах лежал бесплатный, чай в титане – тоже бесплатный. Картофельный гарнир стоил четыре копейки порция. (Я рассказываю о 70 – х годах.) И как-то ем я этот гарнир – чувствую, вроде жила какая-то попалась. Обсосал я ее, вытянул изо рта и – читаю на ней: «Беломорканал»! Мундштук от папиросы! Я ради смеха пошел показывать его официанткам. А они решили, что я хочу скандал закатить, и очень быстро принесли мне целое блюдо котлет – типа, на, ешь, только не ори. От я наелся тогда... А потом, как дед Щукарь, страдал. Хорошо,

хоть в те времена туалеты бесплатные были...

Балык, хиппи и цивилизация

Вот и закончился очередной полевой сезон. Гуд бай, моя буровая, до весны. В кармане лежит любимая книжка с очень интересным содержанием – в смысле, сберегательная. Ну, конечно, там же и купюры на дорожные расходы. В левой руке – увесистая сумка с банками икры, севрюжым копченым балыком, бутылками не скажу с чем, сайгачьими рогами, черепашьими панцырями и... прочей экзотикой. На правом плече висит чехол с гитарой, а в руке зажат билет в купейный вагон на душанбинский поезд до Москвы.

Подошел я к своему вагону. У входа стояли две проводницы – не то, чтобы уж совсем красавицы, но для сельской местности – вполне даже аппетитные. Глядя на мою гитару, одна другой сказала: «Том, ты посмотри! Еще один музыкант на нашу голову». Ну, я сразу не стал их охмурять, учитывал свою полугодовую одичалость в пустынях. Отдал билет, поднялся в вагон и стал устраиваться в своем купе, в котором, кроме меня, никого не оказалось. Позже я выяснил, что вообще на весь вагон было всего пассажиров с десятков.

Ладно. Расположился я. По причине жары и духоты остался в тоненьком трико и майке. Зашла проводница, принесла постельное белье. Посмотрела на меня смеющимися глазами: «Парень, а ты случайно не хиппи?» Свят-свят! Я pokrутил башкой: «А что, есть нужда в хиппи?» Деваха фыркнула:

«Да не, нам и одного от пуза». И ушла.

Несмотря на жару, я не стал нарушать древних традиций. Конец сезона – это конец сезона. Праздник, так сказать. Поэтому я достал из сумки бутылку водки, балык, маленькую дорожную баночку икры – остальные банки были трехлитровые – и хлеб. Чертыхнувшись на свою забывчивость – типа, сразу не мог спросить! – пошел к проводницам за стаканом. В проходе у открытого окна стоял такой колоритный персонаж, что я даже чуток в ногах запутался. Густая грива нечесанных волос лежала на плечах, на голый торс было надето натуральное пальто, застегнутое в районе груди на здоровенную медную булавку. Завершали картину какие-то красные подштанники в обтяжку и босые ноги. Протискиваясь мимо этого персонажа, я заметил, что в его купе – соседнем с моим – на столике стоит коньяк и всякие цветастые консервные баночки, а на спальном месте лежит гитара.

Взял я у девчонок стакан, сказал им, что чай мне пока не нужен, и вернулся в купе. Сначала я хлопнул за окончание сезона – «Дай Бог, чтоб не последний!», потом, чуть погодя, за спокойное путешествие. Заел икрой и балыком, покурил в открытое окно и растянулся на влажных простынях. Стал... адаптироваться к цивилизации.

Колеса убаюкивающе постукивали, и я лежал в какой-то полудреме. Очнулся от громкого голоса, который провозглашал: «Хиппи – это вершина человеческого сознания! Даль-

ше ничего не будет. Все развалится, а останется одна только свободная любовь!» Послышался голос одной из проводниц: «Ну, ты говорить-то говори, а руки не распускай» Другая добавила: «Да! Не лапай, не купишь! Лучше налей». Насколько я понял, обе девахи сидели у моего экзотического соседа.

Спустил я ноги на пол, набухал себе допинга, выпил просто так – беспричинно. Провалиться мне на этом месте, но я не стал бы этому хиппи кайф ломать. Если бы он по требованию мамзелей не взял гитару и не начал петь. Репертуар у него был чисто московский дворово-иностранный, середины эдак шестидесятых годов. Когда этот апологет свободной любви заголосил буквально следующее: «Камола твистуген, твистуген славсаном!..» – я только охнул. Одна из проводниц, видимо, уже в лирическом настроении сказала певуну: «Ну-ка, подыграй мне!» И завопила: «Льет ли теплый дождь, падает ли сне-е-е-ег!» А хиппи сопротивлялся и орал: «Про любовь лучше вот эта! Эзверэнибади гоин ту лысан ту май стори!..»

От такого душераздирающего вокала куда только мой хмель девался и... цивилизационная адаптация. Я сдержал первый позыв накормить барда его собственным пальто, достал из чехла свою подругу шестиструнную и заорал, что есть мочи: «А-а-а-астался у меня на память о тебе па-а-артрет твой, па-а-артрет работы Павла Пикассо-о-о-о!..» За стеной воцарилась тишина. Потом в мою открытую дверь сунулся самодельный хиппи: «Ты че так орешь-то?» А я тут же

запел с цыганским надрывом, но а-капелла: «Уйди! Совсе-е-ем уйди!.,» Он открыл рот, но сказать ничего не успел. Его весьма бесцеремонно оттолкнули, и ко мне в купе зашли обе проводницы. Уселись напротив и одна – Тамара ее звали – попросила: «Спой еще. Чего-нибудь человеческое.» И покосилась сердито на угрюмого хиппи.

В общем, попили мы водочки, попели хором песни, поели моих каспийских деликатесов с жареной картошкой, которую Тамара принесла. А потом Лида, глянув на нас с Тамарой, улыбнулась: «А пойду-ка я коньяк допивать. С восьминогами.» И вышла, закрыв за собою дверь.

Вот так я до самой Москвы и адаптировался. К цивилизации...

Венецианские понты

Мой сосед в Москве, бывший кандидат физико-математических наук Сергей – теперь он менеджер по продажам в элитном мебельном салоне – как-то сказал мне: «Вот чего бы я совсем не хотел – так это в советскую власть вернуться. Да можешь мне не говорить, что большинству тогда лучше жилось. Я и сам это знаю. При всем бардаке порядка больше было. Про бесплатную медицину и образование я вообще молчу. Но... Я сейчас никакую медицину не променяю на то, что я могу запрыгнуть в ероплан и – оп-па! – в Средиземном море бултыхаюсь! Оп-па! – в Мюнхене баварское пиво пью! Оп-па! Я в парижском отеле просыпаюсь, и тамошняя горничная, кроме себя – еще и кофе в постель подает. Это, я понимаю – можно жизнью назвать. А то – мои старики за всю жизнь, которую пропахали, глаз от станка не отрывая – один раз в Сочи съездили. И все оставшиеся дни жили воспоминаниями – ах, какое море! Ах, какой пляж! Реликвия у нас в доме была – ох, помню, берегли ее! И, знаешь, что? Сочинская дешевенькая шкатулка из ракушек! Бож-же мой! А вот я – так я уже не помню – ты понял? – не помню, где был, а где не был!»

Я в ответ махнул рукой: «Буржуй – он и есть буржуй! Жердинского на тебя нету! Ведь по всяким своим Египтам сколько бабок ты уже просифонил! А вспомни – ведь сам как-то

бурчал, что тебе по барабану, какое у этого моря название. Тебя волнует только то, что там тебе никто, как у нас, на пляже не заедет в морду виноградной кистью.» Сергей отрицательно помотал головой: «Когда это было? Сто лет назад? Мне теперь – очень большая разница, куда я еду. Взять Венецию. Она – одна! И ее ни с чем не спутаешь. Это же кино натуральное! Еду с подругой в лодке со срамным названием по единственному в мире городу, в котором вместо улиц – каналы. И везет тебя в этой лодке по этому каналу местный бандюган с кавказской физиономией, а ты жмешь свою подругу и думаешь – то ли этот ара—лодочник серенаду вам споет, то ли веслом по балде приласкает. И – потихоньку—полегоньку – догоняешь ты, что это не кино, а это ты, пацаненок из-под Владимира, смотришь в небо Италии и слушаешь песни Венеции... Да что я тебе объясняю, бесполезно это – пока сам своими руками не пощупаешь.»

Я ухмыльнулся: «Где уж нам уж... за печкой-то сидя. Ты только теперь прими в расчет, что скоро могут закрыть для туристов твои каналы—серенады. Как раз я вчера, что ли, читал, что из-за вас – больно много желающих стало на тамошних лодках кататься – не выдерживает город. Разваливаться начинает. И чем дальше – тем больше. Это я к тому, Серега, что, езжай в свою обожаемую Венецию, пока ее не закрыли.

Вспоминая мамонтов...

Был у меня в жизни приятель Сережа. Из рафинированных интеллигентов. Причем таких, которые уже с детства знают, што им от жизни нужно. Даже из спорта они осваивали только теннис – в гольф тогда в СССР особо не играли. С этим Сережей мы и учились в одной школе, и жили в соседних домах, и в Школу юного журналиста при журфаке МГУ – тоже вместе пошли. Но на каком-то этапе дороги наши разошлись. Я орал, не хуже Соловья-Разбойника: «Ну, здравствуй, настоящая жизнь!» А Сережа скептически хмыкал, тренировался на кортах с нужными людьми, учил всякие языки и... ну, в общем, вел себя прилично. Закончилось наше знакомство после его заявления о том, што я стал ему совершенно неинтересен, и он не желает тратить на меня свое драгоценное время.

Ну, Бог с ним. Я вспомнил о нем только потому, што Сергей ходил на репетиции факультетской группы «Второе дыхание», где он (на репетициях) исполнял роль ритм-гитары. Ну и я по-приятельски стал туда шляться – просто посмотреть-послушать. Правда, был тама некто Кириллов, который, по мне, неизвестно – зачем там оказался. Так он меня хотел присоседить заниматься аппаратурой. Типа, таскать ее туда-сюда. Но я в молодости был грубый, поэтому у Кириллова ничего не получилось.

К чему я это вспомнил? Да к тому, што на этих самых репетициях я и познакомился с Игорем Дегтярюком, Максимом Капитановским и Виссарионом Меркуловым (которого Игорь звал Виссариком).

Даже на мой непросвещенный взгляд сразу было видно, што для Виссарика эти занятия музыкой были просто хобби. В отличие от Игоря и Максима, для которых это была их жизнь – прошлая, настоящая и будущая. О Виссарике только и помню, што он мне джинсы продал не особо дорого – никак не мог найти достаточно длинноногого клиента. Вот я ему и пригодился с моими 195-ю см.

Игорь тогда играл на басу. У него был очень красивый инструмент – австрийский, по-моему, бас-скрипка фирмы «Лайон». Ох, как Игорь на нем шаршил! Бывало, он начал под басовую партию петь битловские песни – я потом ему говорил – типа, Игорь, на хрена тебе группа, тебе можно одному выступать. Но однажды Виссарик обронил фразу: «Похоже, Игорю надоели уже четыре струны...» Так оно и оказалось. Игорь занялся соло-гитарой и, по мнению авторитетных людей, весьма в этом преуспел.

Может быть, мне просто везет в жизни на хороших людей. Но у меня до сих пор есть уверенность, што талантливый человек не может быть плохим. С Игорем мы, попивая пиво из буфета журфака, говорили о чем угодно. Его любые темы мне были интересны, мои – ему. (В этом он сам однажды признался: «Хоть поговорить есть с кем. Сережа твой –

уж больно себе на уме...») За год знакомства я видел Игоря сердитым только один раз. С ним постоянно ходила какая-то подружка. И вот раз она сидела на столе, Игорь подошел сзади, взял за плечи, положил на стол и поцеловал. А она его укусила за губу. Ну и рожа у него была в тот момент! Он, пожевывая укушенную губу, пробурчал: «Дура...». Потом увидел, што я давлюсь от смеха, сверкнул глазами, помолчал, заржал и начал бегать за мной по комнате с криком: «Убью, гад...»

То, што я сказал насчет талантливых людей – в полной мере относится и к Максиму Капитановскому. Как он стучал по барабанам – не мне судить. Но уже через пару дней, глядя на него, я обзавелся палочками и с утра до вечера (первое время) стучал по резиновому коврику, положенному на табуретку. Максим показал мне, как палки в руках держать, и подарил книжку типа самоучителя – наверное, штоб я ему голову не морочил бестолковыми вопросами. А еще мне очень, помню, понравилась его сидушка, на которой он играл. Круглое сиденье, железная палка – и никаких упоров! То-есть, особо не расслабишься, сидючи. Надо было постоянно помнить о равновесии. Сразу становилось ясно – человек пришел работать, а не ж...у отсидживать.

Вот повспоминал, и накатила грусть-тоска. Светлая. Каких людей я знал! И хрен с ним, што из меня не получился ни гитарист, ни... который на ударной установке. Зато жил я в одно время и был знаком с хорошими Людьми!

Мы на лодочке катались...

По моим теперешним воспоминаниям, все это было в середине семидесятых годов. Того, естественно, века. Я приехал в Одессу навестить своего армейского друга Вована, который учился там в Одесском политехническом. Приехать-то я приехал, но Вована там не обнаружил. Соседи его по общежитию приложили меня фейсом об тейбл, когда поведали мне, что Владимир (ишь ты!) уехал в Карпаты, в город Коломью на второй республиканский слет туристов. Я начал орать, что Вован всю жизнь был самбистом и какого этого самого он забыл на слете туристов. Мне стали объяснять нынешнее положение дел. Оказалось, что за то время, пока мы с ним не виделись, Вован превратился в матерого байдарочника – ба-альшого специалиста по водному слалому. А потом меня утешили – оказалось, что команда горных туристов института – в отличие от байдарочников – только собралась туда ехать и предлагала захватить меня с собой.

Ну, ладно. Приехали мы туда. Карпаты, можно сказать. Горы. Вроде бы. И речка Прут.

Вот на этой, на мой взгляд – придурочной и непредсказуемой речке, в которой понавалено всяких здоровенных булыжников, – целая толпа взрослых, на вид – совершенно нормальных людей собиралась соревноваться друг с другом – чью байдарку эта чокнутая речка пронесет быстрее ми-

мо (ну, это как получится!) этих самых здоровенных булжников. Гос – споди! Посмотрели бы вы на них! На этих здоровенных, как сохатые, бугаев с такими серьезными, сосредоточенными лицами, как будто они на Марс собрались. Яблони сажать. Год – нет, вы только вникните – целый год они готовились, проводили тренировки. И? Все это – за ради чего? Только для того, чтобы у всех на глазах несколько минут проехаться на спине у этой хулиганской речки!

Полуснисходительно – полупрезрительно ухмыляясь, я все эти свои думки выложил Вовану. Но... я в подметки не годился ему в умении ездить на хромой козе. Он пожал плечами: «Ну, конечно, все – так. Я уже такое слышал сто раз. Но ни один из этих критиков духу не набрался самому попробовать – что это такое. Одно место – жим-жим.» Да, Вован меня хорошо изучил за время нашей службы в армии.

Улучили мы подходящий момент, когда на речке – в том месте, где проходила трасса водного слалома – никого не было. Напялили мы оранжевые спасательные жилеты и уселись в байдарку – двойку. Я сидел без весла – мне было приказано двумя руками держаться за борта и постараться не мешать. Речка шумела так оглушительно, что нам пришлось объясняться на пальцах или орать прямо друг другу в уши.

Ну и что? Прокатил меня Вовочка на лодочке. Чтоб его прокатали так на том свете, туды его в качель! Если кто пробовал этот... экстрим – тот меня поймет. А кто не пробовал – упаси вас, Боже! И не пробуйте! Я, когда в конце кон-

цов понял, где у меня верх, где низ; разобрался насчет права и лева – маленькими, осторожными шажками отошел – тупаньки, тупаньки ножками – подальше от этой очаровательной речушки и заорал, стараясь не смотреть на хохочущего Вована: «Если ты человек, а не пеликан – ты по земле ходи!»

Интермеццо среди ночи

«Борь, ты знаешь...» «Пока нет.» «Я боюсь хорошего. Мне все время кажется, што после хорошего обязательно што-то случится плохое.» «Тебе сейчас хорошо?» «Очень. Вот я и боюсь уже.» «Давай я те в ухо тресну? И можешь считать, што плохое уже случилось.» «Дурак ты. Я серьезно.» «Тебе, радость моя, точно пора электричеством лечиться. Сходи на кухню, возьми вилку и в розетку сунь.» «Ты можешь со мной серьезно разговаривать?!» «Кане-е-ешно! Лежит рядом очаровательная голая женщина, а я начну сейчас философствовать!» «А я правда очаровательная?» «Да иди ты в жопу...»

«Борь, а где мои трусики?» «А я откуда знаю? Разве я сторож твоим трусикам?» «Ну отдай!» «Ты, лапушка, совсем трехнулась. Похож я на фетишиста?» «Ну, а куда они тогда делись?» «О, Господи! Зачем они тебе сейчас, а?» «Я в туалет хочу.» «Тебе че, на соседнюю улицу идти?» «Все равно. Я стесняюсь.» «Очень мило. И давно это с тобой?» «Отвернись, я под кроватью посмотрю.» «Да одень мои! Ты девочка изящная, авось не треснут. А то, пока искать будешь – опы-

саесся.» «А где они?» «На кресле.» «Все. Больше не сниму.» «Я упомяну тебя в завещании. Насчет трусов. Носки не нужны?» «А все-таки ты грубый...» «Ну, мать, тебя хрен поймешь. То я у тебя самый нежный в мире, то грубый. Ты уж определись.» «Я пошла.» «Жду тебя, а ты вернись.»

«Вот те здрасте. И в честь чего ты в соплях?» «Я... я присела... и... и твои плавки... порвали-и-и-ись...» «И ты плачешь из-за поганых трусов?!» «Я же говори-и-ила... обя... обязательно плохое будет!» «Ну-ка, иди сюда. Давай сопли вытрем и успокоимся. Да што ж такое-то! У всех бабы, как бабы. А как мне – так декадентка!»

«Ой, Борька, вот они, под подушкой.» «Кто – они?» «Мои трусики. Слушай, померяй, а? Может, тебе подойдут – вместо плавок?» «Маманя-а-а!!! Роди меня обратно!»

Татарская розетка

А дело было так. Ну, или почти так. Была у меня невеста. Очередная. Дама немолодая, но все, што надо, было у нее там, где надо. Кстати, я и сам уже был тогда, как осетрина и брынза из одного известного буфета. Ну, дело не в этом. Жила там по соседству одна татарочка лет 40. Вот уж – што рахат-лукум, то рахат-лукум! Мордашка симпатичная, фигурка стройненькая. Да еще была у нее отвратительная привычка ходить везде в каких-то подштанниках до колен, которые так обтягивали ее аппетитную попку, што я при встрече мысленно матерился и плевался во все стороны. А снаружи мило улыбался и говорил: «Салам, айналайн...»

И вот сижу я как-то у невесты, какой-то хреновиной занимаюсь. Звонок в дверь. Дама моя пошла открывать. Минут через пять возвращается: «Борь, сходи к Гуле. У нее розетка сломалась, посмотри, может, починишь.» Я собрал инструментик и пошлепал.

Заводит меня Гуля на кухню, показывает на розетку: «Борис Федорович, я хотела чайник включить, а оттуда ка-а-ак искры посыпятся! Я так напугалась! Сразу побежала к вам... в смысле, к Елене Андреевне...» Смотрю я на эту розетку и думаю: «Че-то неохота мне внутрь туды лезть. Надо бы ее обесточить.» А проводка и распределкоробки – все это под обоями. Гадал я, гадал, потом плюнул – не обрывать же те-

перь все обои, штоб коробку найти. Самому же потом и придется клеить, причем бесплатно.

Сучья лапа, на винтике шлиц раздолбан, никак не уцеплюсь. А татарочка вдруг говорит: «Как же Елене Андреев-не повезло...» Я аж поперхнулся. Голову повернул, спрашиваю: «Это в чем же?» А Гуля на этот раз была без подштанников, в каком-то легком халатике. Плечиками пожимает: «Ну-у... Вы такой спокойный. И все умеете...» Ох, думаю. Спокойный... И тут винтик поддается. Снимаю крышку... и задумался. Во-первых, в розетке все, как и должно быть. Во-вторых – ежли искры сыпались, то где копоть? Глянул я на татарский розанчик и сказал сам себе: «Ну и сундук же ты...» Подошел к ней, подхватил на руки, спрашиваю: «Куды итить-то?» Она рукой показала. По дороге обняла меня за шею и в ухо шепчет: «А как вы догадались?» Тоже мне, бином Ньютона...

Ну, кончилось все, как у меня обычно все кончалось. Гулькерия – то ли от воздержания, то ли она такая от природы была – орала так, што, по-моему, во всей округе молоко скисло.

В конце концов позвонил я в невестину дверь. Она с треском открылась. Мне сунули мою сумку и сказали, што я подлец.

Форсмажор...

Нда-а... Природа любит равновесие. Ежли што-то потерял – не расстраивайся. Скоро што-то найдешь. Но... бывает, совсем неравноценное. Эт уж у кого какая планида. К чему я? Да вот...

Сидючи в пивбаре, я с каждой кружкой пива все больше приподнимался над... как бы это покрасимше... над унылой и безрадостной равниной окрестного бытия. И так удачно совпало – редко бывает, кстати – деньги кончились как раз тогда, когда приподыматься стало уже некуда.

И пошел я по осенним селам, отбиваясь палкой от собак. В смысле – домой. Шел я неспешно, размышляя об высоких и не очень материях, об смысле жизни. И, пребывая на самой верхотуре, вдруг почувствовал – што-то тянет меня вниз. Экспресс-сканирование подсказало причину. Мочевой пузырь. Думки о смысле жизни постепенно потеряли для меня интерес, и в подъезд я уже входил... вприпрыжку.

Мне повезло – какая-то дама подождала, пока я заскочу в лифт. Прислонившись к стенке кабины, я томительно-сладо себе представлял – вот счас, вот счас я зайду в квартиру и – эйфория.

А хрена с маком не хочешь, убогий? В соответствии с законами фильмов ужасов лифт дернулся и встал между этажами. И тут же из динамика раздался голос Винни-Пуха: «Ува-

жаемые жильцы и гости нашего дома. Приносим вам свои извинения. У нас неполадки по линии электроснабжения. Не надо паники, наши специалисты уже устраняют неисправность.» В конце монолога Винни-Пух зачем-то звонко икнул.

Я огляделся. Соседкой по несчастью оказалась габаритная дама весьма старше меня. Но, судя по расцветке, с самооценкой у нее было... будь здоров. Дама шумно вздохнула грудями; «Ну, молодой человек? Что делать будем?» Занятый борьбой с физиологией, я даже вопроса не понял. Но на всякий случай пожал плечами. Дама повернулась ко мне боком, глянула на потолок, потом на пол, потом – на меня. Я за этим всем наблюдал отстраненно, думая: «И хрен тебя, тетка, принес! Не будь тебя – век воли не видать, я б сейчас на пол напузырил...» А тетка опять прошумела грудями: «Ну, боже ж мой! Ну до чего ж молодежь нынче пошла... непредприимчивая. Ему такой случай представился, а он плечами жмет!» Мой мочевой пузырь закипел, а вместе с ним, естественно, начал закипать и я. Подумал: «Старая манда! В тебя бы столько пива закачать – я посмотрел бы, как ты глазки строила бы...» Вслух же я произнес: «Простите великодушно, я как-то недопонимаю – о чем идет речь?» Дама повернулась ко мне другим боком, опять гульнула глазами туда-сюда, но на меня она уже глянула – типа, как кошка на хозяина, который жрет сардельки, а ей не дает. Опять шумно вздохнув – но теперь уже с легким стоном, она проур-

чала: «Опять приходится брать инициативу на себя.» И лопанулась вперед, со всего размаху упершись в меня своими могучими буферами. Учитывая очень заметную разницу в росте, вся мощь таранного удара пришлась мне в живот!

Занавес закрывается...

А кто у нас мама?

История, конечно, совершенно дурацкая. Но – иногда вспоминаю ее, и думаю. А может, это и было мое счастье? Которое я с перепугу взял, свернул в трубочку и засунул под хвост проходящему мимо коту...

Я тогда вернулся из армии, восстановился на журфаке МГУ и... что есть сил отдыхал. А ее звали Катя Хомякова (чем-то знакомая была фамилия), училась она на филфаке и отличалась от других студенток оч-чень аппетитной красотой.

И вот как-то хухры-мухры, то да се, в общем, пошел я ее провожать. Жила Катя с мамой в сталинском доме, где у нее была своя комната. В ней мы и расположились. Честно сказать, опыта у меня было с гулькин этот самый. Зато нахальства после армии – хоть отбавляй. Выбил я ладошкой пробки из двух бутылок «Киндзмараули», купленных по дороге, Катя поставила два бокала и... Сделаю глоток вина, а на закуску безешку Кате запечатлею. Сделаю глоток – и безешку. Потом начал забывать глотки делать. Катя на свою голову положила мне свои изящные пальчики на губы и начала объяснять – типа, мы должны вести себя прилично, потому, что в любой момент может прийти мама, и вообще не надо торопиться, мы должны лучше узнать друг друга, чтобы нас не постигло неожиданное разочарование.

Я Катю почти и не слушал, поэтому к концу своего монолога она была уже почти голышом. Сам я разделся по-армейски – в шесть секунд. Она только и успела пробормотать: «Боже, кому я все это говорю...»

Довольный, как семь слонов, я полежал-полежал, и пришел к выводу, што я писать хочу. И по простоте душевной как есть пошел в туалет. И натыкаюсь в коридоре на пожилую тетеньку. У нее глаза воистину вылезли на лоб. Сначала тетенька долго зачем-то разглядывала мое навесное оборудование. Потом стала смотреть мне в глаза. А я понял наконец – почему фамилия Хомякова мне знакома. Эта тетка работала в редакции газеты «Правда», когда я два месяца там околачивался курьером.

Хомякова-старшая прокашлялась и сказала: «Ну?» Я не нашелся, что ответить. Она фыркнула: «Герой-любownik! Иди штаны надень. И Катю не пугай.»

А Кате было не до испугов, она тихо-мирно дрыхла. Я оделся и опять вышел в коридор. В общем, любящую маму волновал только один аспект события – когда свадьба. У меня от такого бесцеремонного посягательства на мою свободу задребезжал позвоночник. Я промямлил: «Думаю, мы с Катей решим этот вопрос в рабочем порядке.» И выскочил из квартиры.

Через несколько дней я шел по коридору в перерыве между лекциями. И вдруг – свят-свят! Вижу, у окна стоят Хомякова-старшая и куратор нашей группы. Она ему что-то энер-

гично втолковывает, а он кивает, как заведенный.

Не знаю, в общем, чем это могло для меня кончиться, если бы не Катя. Ее подружка мне потом рассказала, что Катя устроила матери скандал. Она заявила: «Что я — дура, что ли? Замуж выходить за такого оболтуса. Какой из него муж? Недоразумение! Любовник — это да, еще куда ни шло. Но уж никак не муж!» И заставила мать погасить все круги, которые начали расходиться по округе после ее визита в деканат.

После этого ляпсуса одно время я, знакомясь с дамой, сразу говорил: «Дорогая, муж из меня никакой. Любовник — еще туда-сюда. А кто у нас мама?»

Полет, типа шмеля

Убиться и не жить! Я знал, что рано или поздно мое стремление к жентльменству и дамскому угодничеству так или иначе выйдет мне боком. Но... свое перевоспитание все откладывал на потом.

Дооткладывался, едрена-матрена...

Короче. Звонок в дверь. Мою. А я как раз сидел на кухне, глядел на девятиглотковую многогранность и размышлял – то ли выпить все сразу, то ли по-грамотному разложить на две-три порции.

При втором варианте было гораздо больше шансов запихнуть в страдающий похмельный органон какую-нибудь еду. Но одолевали сомнения. Я мог по старой привычке выдуть сразу весь стакан, потом поругать себя за отсутствие силы воли и с довольной рожей отправиться опять на поиски приключений. А тут еще этот звонок весь мыслительный процесс... раздробил на фрагменты.

Я угрожающе выдохнул все, что было внутри и пошел открывать дверь. На площадке стояла соседка с 4-го этажа (сам я жил на 5-ом). Все приготовленное мною агрессивноматерное пришлось с трудом, но проглотить. Эта соседка – по имени Ираида – была не то, чтоб подружка, но близко к этому. Даже один раз было... тово самото. Но дальше дело не пошло, остались на уровне хороших соседей – я,

по ее мнению, слишком безответственно относился к жизни. А она, по-моему, слишком активно совала свой нос туда, куда ее совсем не звали. Ну, да хрен с ней.

Я мотнул головой – типа, чего хотела. А Ираида ручки сложила на своих аппетитных титьках: «Боренька! Все, что хочешь, сделаю! Только на тебя надежда!» Фильтруя ее сопли-вопли и обещания, я понял, что она вставила ключ во внешнюю стальную дверь своей хаты и от большого ума ухитрилась сломать его. Кусок ключа остался в скважине. Поэтому запасной ключ не лезет. А Ираиде очень хочется домой, и кошки ее учуяли, орут, как мигранты в трамвае.

Ну, куда деваться. Желтмен, едрить твою. Спустились мы этажом ниже. Чесал я репу, чесал. Высверливать это хозяйство мне нечем. Дверь сама солидная, сделана на совесть. Так что моим фомичем ее не откроешь. И, как всегда с похмелья, в голове моей рождается весьма сомнительная идея.

Говорю: «Слышь, Иродиада. Я могу попробовать. Но придется стекло на балконе разбить, иначе я в квартиру не зайду». Она так радостно подпрыгнула; «А не надо стекла бить, у меня балкон открыт!» Был у меня не помню откуда моток парашютной стропы. Хлопнул я полстакана водки – чисто вроде как мельдоний. Привязал конец стропы к своему балкону, кинул моток вниз и перелез через перила. Ираида, которая поднялась со мной, смотрела на меня восхищенно-ошалевшими глазами. Видать, на мои старые дрожжи допинг сразу по жилкам заиграл. Сам себе казался я та-

ким же кленом... Пропустил по себе стропу для спуска, дай Бог памяти, «дюльфером» и шикарным пинком оттолкнулся от балкона. Мать-мать-перемать, извините за выражение. Парашютная стропа – она скользкая, как последняя падла! Так что даже не успел я собой полюбоваться, как под пронзительный визг Ираиды просвистел до второго этажа. А там и стропа кончилась. Опять судьба Егорова хранила. На излете меня развернуло и я плашмя приложился на крышу жигулей-копейки. Прямо можно сказать – ощущение не из приятных. Но обошлось без переломов. Потом из подъезда вышел Леха – мой старый собутыльник и по совместительству хозяин жигулей. Помог он мне выбраться из капитально вмятой крыши и повел меня к себе лечить – у него там было. В общем, долго и разнообразно мне пришлось Лехе убытки возмещать. А самое обидное – Леха, когда узнал причину моего каскадерства, пошел наверх и вытащил обломок ключа из скважины пинцетом жены, которым она брови выщипывала. Ираида вторым ключом спокойно открыла дверь, и окончательно во мне разочаровалась.

Ах, эта свадьба

Было время, когда меня носило по Союзу, как ветер носит по степям перекасти-поле. И вот однажды очутился я в сибирском райцентре, расположенном на диком берегу Иртыша. Сначала я воткнулся в редакцию районной газеты. Но... коллектив там был весь аккуратно постриженный и при галстуках. С перегаром на работу не ходили – брали больничный. А я... В общем, редактор терпел, терпел и сказал в конце концов: «Сгинь с глаз моих! Достоевский, мля...» Ну, я и сгинул. Перевоплотился в рулевого-моториста-монтера судовой обстановки. Занимался я, в основном, покраской бакенов и судоводных щитов. Зато никто с меня не требовал галстука и аромата фиалок.

Подкрадывалась исподтишка зима, и стало конкретно холодать. Мой сосед, бакенщик на пенсии дядя Миша из жалости презентовал мне на бедность овчинный тулуп. Здоровенная конструкция, типа, как у советских сторожей. Но теплый до обалдения.

В связи с непролазной весенне-осенней грязюкой в райцентре этом были деревянные тротуары – из досок. Не сказать, чтоб очень удобные – два человека расходились на них впритирку.

И вот иду как-то по такому тротуару, весь из себя в тулупе и малость в благорастворении. Вдруг из-за поворота вы-

скакивает здоровенная сука (как потом выяснилось – и в хорошем и плохом смысле этого слова). Шарахнула она меня по ногам так, што я едва удержал равновесие и не завалился в грязь. В полном возмущении от такой перспективы – тулупчик-то жаль! – отвесил я этой суке пинка от всей души.

Ах, как я ошибся! Вот што значит – не обладать полной доступной информацией. Собачка эта оказалась главной героиней действия, которое по-научному называется «собачья свадьба». Вслед за ней из-за того же поворота появилась оживленная и возбужденная толпа женихов. Как и следовало ожидать, мой пинок их желанной невесте стал поводом для законного возмущения и неумной жажды немедленного возмездия. Куда только девалось мое благорастворение. Но я все ж таки успел, подобно перепуганной черепахе, втянуть все торчащее в тулуп. И тут же пал в грязь под натиском мстителей. Сколько минут я пролежал – не знаю. Меня дергало со всех сторон и во все стороны. В голове лежала печальная мысль: «Какой... дурацкий конец...»

Но – рановато я начал прощаться. Не успели отеллы-собакевичи проникнуть сквозь тулуп до... супового набора. Раздались людские крики, и дергать меня перестали. Оказалось, мужики увидели эту свистопляску и кольями навалили возомнившим о себе женихам по хребтинам. Те сразу забыли о мести и свалили от греха подальше. Меня подняли, я выпутался из ошметков тулупа и повел мужиков в чайную – благодарить за спасение.

Мораль. Прежде, чем дать кому-то пинка – удостоверься, што за поворотом нет толпы доброжелателей.

P.S. А из остатков тулупа я сшил две пары рукавиц. Одну пару обменял на сало, а вторую сам носил.

Защита детей, говоришь?

Прошел тут день защиты детей. Уря, уря, товарищи! Кругом фото довольных малолетних мордашек, напоминания, что дети – это наше будущее, типа, не защитим детей – полная придет хана всему окрестному бытию. А на следующий день главная тема – босая Наденька. Как ей там на нарах Верховной Рады восседается.

В общем, откукарекали, отметились – а там хоть и не расцветай.

Вспомнилась мне история минувших лет. Произошла она в одной деревеньке под Калугой. Я туда вообще-то приехал собирать материал для очерка про егеря, который был буквально изрешечен браконьерскими пулями в процессе защиты лесной живности от беспредела. А в свободное от войны и больниц время этот дядька строил в лесу разнообразные кормушки – и для пернатых, и для... молоком питающих.

Своим приездом я отвлек Еремея – так вот звали егеря – от общественно-полезного труда. Ерема оказался человеком компанейским, и, как он выразился – «не каждый день к нам в деревню корреспонденты из Москвы приезжают». Гуляли мы с ним... насыщенно. Рыбалка, охота, грибы – и перманентное полупьяное состояние. Что еще мужику для отдыха надо? (Я еще, помню, радовался, что, как знал – денег с собой прихватил с запасом.)

Но разговор этот не о гулянке. В местном сельпо водки, как правило, не было. Одно «Биле мицне» – плодово-выгодная бормотуха. Ее еще местные называли – «биомицин». Так что я постоянно затаривался нормальным питьем у местного профи-самогонщика, к которому даже менты из райотдела претензий не предъявляли. Ну, ясно, почему.

Этот самый профи жил с женой и дочкой лет десяти. Жена и отпускала покупателям мужнюю продукцию. Я, конечно, видел синяки на лице продавщицы, но относился к этому философицки. Типа, чужая семья – она ить потемки. Мало ли чего у них там... Да и в поддатом состоянии неохота копать в чужих проблемах, подыскивать себе на попу вполне возможные приключения.

И вот зашел я к ним в очередной недобрый раз. Дверь была открыта нараспашку, поэтому я для приличия постучал и зашел в дом. Хозяйка сидела на кухне за столом, перед ней стояла трехлитровая банка самогона – как я потом понял. Я нацепил на морду жизнерадостную улыбку и... куда только весь мой хмель девался! Я разглядел, что у женщины разбито лицо, руки по локоть в засохшей крови. И халат тоже весь в бурых пятнах. Сама она пристально смотрела в пустой угол комнаты, и тряслась крупной дрожью. Я как-то автоматом спросил: «А... Степан... где?» Женщина на мгновение перестала дрожать, и, не отрывая взгляда от угла, махнула рукой в сторону большой комнаты. Зашел я туда. Лучше бы не заходил.

Уж на что я вроде бы привычный к... сюрпризам таким, да и нетрезвый в принципе был. Но самогонщик выглядел так... живописно, что меня едва не вывернуло наизнанку. В общем, разделала Степана его благоверная топором, как тушу в мясном отделе. А на кровати лежала дочка. Гольшом. Она не шевелилась, но я заметил – дышит.

Вернулся я на кухню и стал откачивать хозяйку. Долго это было и неинтересно. В конце концов общая картина выяснилась такая.

Хозяйка чем-то занималась на кухне, и услышала голос дочери: «Ой, пап, ну не надо!..» А тот... папа басил: «Тихо, тихо. Я тя сейчас научу свечки катать». Женщина – вспомнил, ее Еленой звали – была готова и дальше терпеть мужнины заскоки по отношению к себе. Но за дочку! Она влетела в комнату и увидела очень неприглядную картину. Даже сказать ничего не успела, как получила сильнейший удар в лицо. А дальше, говорит, как в тумане все. Очнулась – в руках топор, на полу – результат.

Охо-хонюшки-хохо. А дальше вообще свистопляска началась. Пока я из сельсовета тамошнего дозвонился до райотдела, пока менты приехали – Елена с дочкой исчезли. С концами. (Ну, дело прошлое, могу теперь признаться – просквозили они по моей настоящей рекомендации.) А менты, как буридановы ослы, запутались. Висяк им и даром не нужен был, да еще такой. А тут кандидат сам подвернулся. В смысле, я. А с другой стороны, с журналистами связывать-

ся московскими – может таким боком выйти.

В общем, с помощью корефана Еремея отбрыкался я от силовой структуры. А из редакции меня мягко попросили. Сказали – хороший ты человек. Но уж больно непредсказуемый...

Жизнь вместе с народом

Был у нас в нашем районе такой парень – с погонялом Шкипер. Его еще звали – «Мешок с кулаками». А по-настоящему – Саня Усов. Про него потом я читал в газетах, что он в девяностых годах каким-то макарон в правительстве оказался. А в конце шестидесятых он у нас в районе сколотил команду и, как тогда говорили – «капусту рубил». Технологии нет смысла рассказывать рассказывать – их так подробно описывали во всяких детективах – эти книжки были здорово похожи на учебники. Меня Шкипер взял к себе сначала просто, как бойца – он предпочитал непьющих боксеров-борцов. Как я теперь понимаю, Шкипер неглупо готовил себе кадры. Например, если он видел, что у человека не лежит душа к насилию – он его без крайней надобности не принуждал. Пожалуйста, занимайся техникой – авто, радио, видео. Ну, со мной таких проблем не было – меня было хлебом не корми — дай кому-нибудь челюсть свернуть. Шеф наш сам был человеком грамотным, и свою команду всячески подталкивал к учебе. Сам платил за всякие курсы, репетиторов, учебники всякие. Тем, кто сам стремился к учебе, Шкипер даже платил больше! Не раз он при мне говорил: «Откуда я знаю, какой специалист мне завтра может понадобиться! Чем где-то искать – пускай у меня уже готовый будет. Свой, надежный.» Заметив, что по языку и слова-

рю я малость отличаюсь от обычных «быков», Шкипер стал поручать мне работу поинтеллигентнее – не просто морду кому-то размесить, но и объяснить глубокий смысл, подвести, так сказать, теоретическую базу. Шкипер в психологии разбирался. Когда ты знаешь, что уродуешь кого-то не просто так, а потому, что он виноват перед твоим шефом, перед твоей командой – значит, потому, что он и перед тобой лично виноват! У меня в таких случаях результат получался... пострашнее. Ну, ладно. Едем дальше. В те времена поперла мода на русскую старину, в частности – на иконы. Шкипер решил поучаствовать в этом. Не знаю, как он разруливал детали с соседями. Да мне это было и неинтересно. Шеф прикрепил меня к одному алкашонку – бывшему художнику, который что-то понимал в иконах. Прихлебывая «бормотуху», этот спец рассказывал мне, чем отличаются «доски» (так мы их называли) друг от друга, как примерно определить, стоит «доска» что-то, или это – «дрова». Я, кстати, тогда не только «бормотуху» – я вообще никакого алкоголя не употреблял. И не кололся, и дурь не курил. Мне хватало удовольствий просто от жизни – риск, адреналин. И кучи денег. Приятно, конечно, было (как я помню) – идешь по улице – кто-то шарахается от тебя в подворотню, кто-то галопом через кусты ломится. А кто-то, наоборот, летит навстречу поприветствовать. И девочки районные были все мои. Знай, выбирай. Менты – и те козыряли! Шкипер их приручил-прикормил. Ну, ладно. Стал я ездить по деревням, сначала по Под-

московью. Потом, когда выяснил, что до меня в этих местах побывал не один «охотник» – кто под видом музейного работника, кто – как священник или монах (хороший жулик – он всегда артист!) – стал я забираться подальше – на Волгу, а потом и на Урал. Я не мудрил особенно – потолкавшись в очередном городишке-деревеньке у магазина среди страдающих с похмелья мужиков, я пускал в народ «развесистую клюкву» – о парализованной бабушке, о том, что дом у нее сгорел вместе с иконами, а она без них жить не может, а я без бабушки жить не могу, короче: «Мужик! Я тебе – пузырь, ты мне – две иконы!» «Дык... у меня – тока одна!» «Ну, тогда держи чекушку!» Занятие это было для меня денежным, но скучным. Поэтому я в нарушение шефских инструкций никого с собой не брал, ездил один. Иногда я сталкивался с конкурентами – такими же обормотами, как и я – местными или приезжими. А иногда мужички у магазина наезжали толпой в надежде на легкую добычу. Вот тут-то я и развлекался по полной программе. А потом уносил ноги, пока меня не замели местные... силовые структуры.

Шажок в сторону

И вот однажды приключился со мной ляпсус. Дело было под Костромой, в маленьком поселке. Совсем негородского типа. Мужики у магазина уже сообщили мне, что по поселку бродит бригада «охотников» из Костромы. Они ничего не выдумывают, нет у них никакого «прикрытия», просто заходят в дом, блокируют жильцов и снимают со стен иконы. Пакуют в сумки и уходят, не обращая внимания на женские крики и сопли-вопли. Кроме «досок», они ничего не берут. И что интересно – менты им не мешают. (Я сразу подумал – значит, настоящие братки.)

И вот. Стоял я у магазина и втолковывал очередному борцу с религией: «Ну, что ты мне принес, а? Специально ее коптил, что ли? Ничего же не видать на ней. Может, тут девки голые нарисованы, а ты говоришь – икона!» Мужик судорожно ударял себя в грудь кулаком: «Начальник! Провалиться мне... Эт еще с прабабкиных времен! Дом-то – прадедовский, вот эта деревяха и висела в углу, скоко помню!» Я махнул рукой, забрал доску и сунул ему рубль: «На, лечись.» Мужик тут же нырнул в магазин за плодово – выгодным вином, По девяносто две копейки. То-есть, я хотел сказать, плодово-ягодным.

И тут появились они. Конкуренты мои. Было их шесть человек. Все – «качки». А я таких никогда не опасался, Ко-

гда слишком много мяса – скорость маленькая. Так что главное – в объятия не попадать и смотреть, чтобы сзади по балде не приласкали. А остальное – пустяки.

Пока они подходили, я неспеша передвинулся к стене магазина и оперся на нее спиной. Где-то с минуту мы молча разглядывали друг друга. Потом один из них – видимо, бугор – по-блатному загнусавил: «Ну че, в натуре, фраер залетный? Че ж ты, не спросясь, по нашим делянам шастаешь?» А я гонял мысли в голове: «После них мне в этом поселке делать нечего. Возвращаться сюда когда-нибудь – тоже незачем. Так что терять-то мне...»

Я мягко оттолкнулся спиной от стены и двумя прямыми правой в голову уложил бугра и рядом с ним стоящего – на одуванчики. Сделав два быстрых шага, левой-правой снизу по корпусу вывел из строя еще двоих. Первая пара лежала без движения в глубоком нокауте. А вторая – оба корчились от боли в печени. Я был уверен, что третья пара, если не свалит отсюда, то уж никак на меня не полезет. Да... Ошибочка вышла. Только реакция спасла меня от неприятностей. Резкий сайд-степ – это в боксе шажок в сторону – и первая пулька из «Марголина» мимо пролетела. От души я этого стрелка достал правой боковым в голову. Явственно ощутил, как хрустнули под кулаком височные кости. Падая, он еще раз бабахнул из пистолета. В небо. Шестой качок окоченел, глядя на ярко-красную кровь, толчками текущую из виска кента, лежащего у его ног.

А этот «Марголин» – он хоть и малокалиберный, а бахнул, почти как настоящий. Любопытствующие зеваки стали подкрадываться к месту представления. Поэтому я счел за благо свалить оттуда по-быстрому.

Как я оттуда выбирался и следы заметал – долгая история и не очень интересная. И на попутках, и на товарняках, и приличный километраж пехом намотал. Выбрался.

Но ляпсус на этом не кончился. Как потом выяснилось, это были действительно авторитетные братки. А главное – тот, кому я жизнь укоротил – был сыном очень уважаемой бандерши – типа, тети Беси из Одессы. Она подняла хай-вай, началось выяснение – кто, что, зачем, почему. И вот тогда-то и прозвенел первый звоночек (на который, к сожалению, я внимания не обратил). Я имею в виду, что меня вычислили. А о моей поездке в те края знало очень мало людей

В общем, Шкиперу сделали «предъяву» – ультиматум. Он должен был отдать меня и отстегнуть бандерше хорошие бабки. Иначе у него забирают район, а сам – вали, куда хочешь, пока при памяти...

Шкипер вызвал меня к себе домой и там немногословно осветил ситуацию: «У меня кишка сейчас тонка – с ними воевать. Деньги-то я отдам. А вот тебя – нет! Хотя – надо бы!» Шкипер свирепо так на меня глянул: «Говорил я тебе – в одиночку не мотаться? Супермен... хренов!» Он с размаху хлопнул ладонью по столу и притих. Потом продолжил: «В общем, так. Вот бабки, бери и иди. Куда у тебя глаза гля-

дят. Я и знать не хочу, куда ты подашься. И никому – ты понял! – никому даже не намекай! Откуда-то они узнали, что это ты там был, в деревне этой? То-то и оно.»

Особой благодарности к Шкиперу у меня не было. Я понимал прекрасно – если бы он меня отдал, то от него бы все разбежались, и никто бы больше не пришел. Такая информация быстро распространяется.

Вот такие пироги. С котятками. Ну, я долго голову не ломал – куда деваться. Я в свое время от армии откосил – купил себе типа порок сердца. А тут сходил в больницу, прошел медкомиссию – здоров! – и в военкомат. А там – милости просим! И – нету меня.

До такого наивного фокуса никто не додумался, как выяснилось. А еще в этой ситуации была такая сатира и юмор – через полгода учебки на Украине меня направили служить в... Кострому! Меня искали по всем закоулкам, даже зоны на всякий случай перешерстили, а вот подумать, что я в кирзачах и х\б расхаживаю у них по городу – до этого никто не смог допереть – ни свои, ни чужие.

Армия для меня прошла легко. Дедовщина эта, беспределы всякие – все мимо меня прошло. А вот рожу я себе там отъел – когда дембельнулся – меня никто не узнавал, даже подружки. Пища калорийная, ешь, сколько влезет; с утра до вечера в спортзале – то с гириями и штангой, то с мячиком и со скакалкой. Офицерня тоже мне жить не мешала – мы с замполитом спарринг-партнерами были.

В отпуск я внаглую поехал в Москву. Особо не светился, так – разузнал, что почем. Шкипер резко пошел вверх, а из старой команды никого почти не осталось – кто сел надолго, а кто – лег. Навсегда.

Лечь бы на дно, как подводная лодка

После армии я вернулся в Москву. Шкипер при встрече – а до него добраться оказалось очень трудно – так вот он в приказном тоне запретил называть себя Шкипером. Я, грит, Усов Александр Сергеевич. Запомнишь, или тебе это на лбу написать? А по бокам у него стояло два худеньких азиата с серьезными глазами.

И у меня хватило ума понять, что мой центнер мяса пригоден теперь только алкашей гонять по забегаловкам. Ушел я от Шкипера с мыслью: «Ох и падаль же ты, Усов Александр Сергеевич!»

Сидя в своей однокомнатной, я перебирал в голове всех, кого мог вспомнить. И, как это было ни печально для меня, я не вспомнил ни одного человека, которому мог бы довериться. Все они либо уже меня продавали – по мелочи, по крупному – не важно; либо вполне, по моему мнению, были на это способны. Соломинкой, которая переломила спину верблюду, стало то, что даже Шкипер – а сколько раз я за него лез на ножи и на стволы – даже Усов Александр Сергеевич ноги об меня вытер, когда нашлась мне замена.

В общем, обозлился я на весь белый свет и стал, как... бродячая собака-одиночка. Злая и одичавшая. И в конце

концов – ну, конечно! – начал пить. Здоровье, слава Богу, как у лося было, поэтому литрами водку глушил. Так нет – мало мне этого было. Знал я одного художника – он у нас одно время подрабатывал реставрацией икон. Такой... тихий наркоша. Нигде не светился, никуда не попадал. Ханку в надежном месте брал – дорого, зато спал спокойно. Бывало, какой-нибудь заказ намалюет – типа, рожа с плакатом «Партия – наш рулевой!», бабки хапнет (а ему за эту фигню хорошо платили) и сразу затарится, чтоб надолго хватило.

В общем, пристал я к нему – дай кольнуться. А он от меня и руками и ногами отбрыкивался – есть у тебя, говорит, водка – вот и хлебай! А эту гадость лучше и не пробуй. Я не отставал – не бесплатно же прошу! И наезжал на него – гадость, говоришь, а сам-то не бросаешь! Значит, не такая уж это и гадость! Он, когда это услышал – я хорошо помню, какими глазами он на меня смотрел. До-олго смотрел. Молчал. Потом вздохнул и говорит: «Ладно. Заходи вечером.» Зашел я. В общем, не знаю, что он мне впарол – он потом клялся, что нормальная ханка была, просто у кого-то бывает по первому разу, организм не принимает – и так далее и тому подобное. А я потом к мысли пришел, что он спецом чего-то намутил, чтобы отбить у меня желание даже пробовать. Потому что больше тридцати лет прошло, а я – о-очень хорошо помню, как меня ломало. Двое суток отойти не мог. И – как отрезало. Сколько мне потом предлагали – весь ассортимент – а я при виде шприца только ежился от воспомина-

ний: «Кушайте эти вареники сами! С волосами.» До сих пор бывает – благословляю в молитвах художника этого. Слава Господу, что уберег меня от этого горя!

И в конопле я тоже ничего не понял. Как-то сидел в компании кавказцев – любителей анаши; пустили они косяк по кругу. Выкурили мы его. Арслан – рядом со мной сидел – посмотрел на меня озадаченно: «А тебя что, травка не цепляет?» Я плечами пожал: «Что-то никаких ощущений. Может, добавить надо?» Арслан забил мне персональную папиросу. Я ее выкурил сам на сам. Ничего. Только что малость башка покружилась. Арслан тогда махнул рукой: «Это бывает. Можешь больше товар не переводить. Не цепляет тебя. Надо тебе жареху попробовать.»

В общем, в конце концов стал я алкашом в чистом виде. Без примесей. И тихо-мирно доехал до запоев.

Жизнь так протекала. Поедешь в какой-нибудь городишко и – стыдно вспомнить. Ларьки бомбил, челноков на гоп-стоп брал. Не брезговал даже собутыльников обирать. Возвращался домой, брал пару ящичков водки, курева, жратвы – и начинал. Первые день-два – как приличный человек. Водка из морозилки, мясо жареное, омлеты-котлеты всякие.

А потом... Сначала готовить переставал, всухомятку питался. Дальше – еду сигареты заменяли. Еще дальше – доза водки уменьшалась до глотка. С постели вставал только в уборную и воды в кастрюлю набрать – попить. Ящик с водкой рядом с кроватью стоял.

Прямо из горлышка делал глоток и через минуту уже был в... виртуальном мире. По-научному говоря. Приключения, фантастика. Эротика, опять же. Как картинка начинает пропадать – нащупываю бутылку и – глоток. Минута – и опять «корова летает, летает...»

И так до тех пор, пока запасы водки не кончались. А по-то-о-ом...

Как я тогда жалел, что занимался спортом, что здоровье такое крепкое! Организм справлялся с этими дикими перегрузками, но чего мне это стоило! Ужас! Как минимум неделю я не вставал вообще. Не мог. Даже, извините, мочился прямо на пол. Когда было чем. А за водой ползал. По-пластунски. Как таракан. Да-а... Вот уж потешил я бесов. А они надо мной потешились. С утра до вечера и с вечера до утра – то фильмы ужасов, то мультики-кошмарики; то покойники по комнате ходят, выпить у меня просят. Музыка постоянно играла в ушах, пополам с голосами. А эти голоса мне приказывали... много чего приказывали. Но Господь уже тогда меня хранил. Я трясся от страха, обливался холодным потом от ужаса, но в голове в ответ на приказы голосов вспыхивала ярко-красная надпись: «Не буду! Не буду! Не буду!»

А когда я потихоньку начинал вставать, еще неделю смелости набирался, чтобы на улицу выйти. Всего боялся – машин, людей, собак. От голубей шарахался.

Но... постепенно приходил в себя – и все начиналось по новой. В редкие минуты прояснения мозгов я уныло-рав-

нодушно думал: «Скорее бы кончалась эта бессмысленная тягомотина...»

Но у Господа был Свой план для меня. Не допил я еще свою чашу. Испытания продолжились.

Сколько веревочке не виться

Как-то утром валялся я в постели. Только-только закончился у меня отходняк от предыдущего запоя. А новый начинать было не на что. Надо было собираться с силами и ехать на гастроли.

Кто-то забарабанил во входную дверь. Звонок у меня давно не работал – электричество было отключено за хроническую неуплату. Я прикинул – кто это мог быть? Из дворовых алкашей никто не стал бы долбать так по-хозяйски. Участковый? Был уже на днях. Стук повторился еще громче. Ну, думаю, ладно. Встал, взял в руки бейсбольную биту и прошлепал босиком по коридору. Щелкнул замком и открыл дверь. Передо мной стоял типичный «бык» – спортивный костюм, короткая стрижка и пустые глаза. Он молча сунул мне какой-то конверт, повернулся и дробно простучал кроссовками вниз по лестнице.

Я посмотрел ему вслед, захлопнул дверь и возвратился на кровать. Конверт был не подписан, но заклеен. Я разорвал его и обнаружил внутри крупную купюру и листок бумаги, на котором было написано: «Борян, бери мотор и приезжай по этому адресу. Дело есть. Фунтик.»

Я удивился. Фунтика я знал. Это был детина килограммов на сто двадцать, бывший мастер по водному поло. Последнее, что я о нем слышал – он ходил бригадиром в соседнем

с нашим районом. А удивился я вот почему – какое дело у него могло быть ко мне, алкашу? Странно. И причем здесь этот адрес?

Ну, ладно. Оделся я потихоньку, сполоснул морду и, как был с недельной щетиной, вышел на улицу. Адрес, что был написан на листке, мне был знаком очень хорошо – одно время там была штаб-квартира Шкипера. Я решил – не из графьев – на метро доеду. Деньги еще пригодятся.

Увидев вывеску «Сантехмонтаж», я фыркнул. Представил себе Фунтика в роли слесаря-сантехника. «Хозяйка, унитаз менять будем?» У входа стояло несколько «быков». Я прошел свободно.

Внутри контора была очень и очень приличная. Секретарша была аппетитная, но в годах. Таких держат за деловые качества, а не за красивые ножки. Хотя, говорят, бывает и то и то – в комплекте... Мои думки прервались приглашением пройти в кабинет.

Фунтик встретил меня у дверей. Пожал руку и указал на кресло. Он стал еще здоровее, оброс жирком, но морда, в отличие от моей, была свежей и самодовольной.

Поглядев на меня, Фунтик спросил: «Может, похмелишься?» Услышав мое: «Нет.», довольно кивнул: «Ладно, Борян. Не буду вокруг да около. Есть для тебя работа. Покататься на Урал и обратно. Туда – бабки, обратно – камни.» Увидев мою ошарашенную рожу, Фунтик заржал: «Да не брюлики! Обычные булыжники. Типа, уральские самоцветы. Хорошая

цена на них сейчас. Малахит, яшма... и тому подобное. Сразу скажу, чтоб не спрашивал – почему именно ты. У меня в основном молодежь. На них по отдельности у меня надежды нет. Либо ширяется втихаря, либо до того спортсмен, что все мозги у него в кулаках. А ты – ты старая гвардия. Кадр проверенный. То, что бухаешь – дело твое. Не путай только с делом. Сгонял в поездку, отчитался – и хоть купайся в ней. Не мне тебя учить. График у тебя будет четкий, приспособишься. Ну?» Я пожал плечами: «Так что, ты теперь под Шкипером ходишь?» Фунтик перестал улыбаться: «Я, братан, из себя большого начальника – для тебя – не строю. Но и ты не суй свой этот самый, куда тебя не только не просят, а даже наоборот. Лады?» Я махнул рукой: «Не напрягайся, Фунт. И меня не напрягай. Когда ехать?» Фунтик хлопнул меня по колену: «О кей. Вот пакет. Здесь адреса и деньги. Приведи себя в порядок, одежду попримичнее. И – послезавтра в дорогу. Билет и деньги на камни у вагона тебе передадут.»

Конечно, будь у меня мозги посвежее, мне бы не хватило ссылки Фунтика на то, что я – старая гвардия. Я бы порассуждал – в честь чего это меня на поверхность вытаскивают? Ведь прекрасно знал, что эти люди никогда и ничего не делают просто так.

Если бы, да кабы... После стольких (и таких!) запоев соображалка была... баран – он и есть баран.

В общем, приехал я в Челябинскую область. Система

у Фунта была отлажена четко. Меня встретили, проводили куда надо. Я обменял пакет с деньгами на увесистую сумку с камнями и поехал на вокзал. Сдал сумку в камеру хранения, взял билет (поезд уходил через 10 часов) и пошел шляться по городу. От легкости, с которой я, считай, выполнил работу, расслабуха поперла. И я сделал то, что ни в какие ворота не лезло по любым понятиям. Зашел я в какую-то забегаловку, тяпнул триста граммов водочки, проглотил какую-то сосиску. И, довольный, как слон, вышел на улицу ловить такси. А в голове дурацкие мысли крутились: «Авторитет – он и есть авторитет. Кому-нибудь не отдали бы такое хлебное место. А мне – пожалуйста. Значит – уважают!»

Остановилась около меня машина. Ну, будь я в здравом уме – сел бы я в незнакомом городе в незнакомую машину, где, кроме водителя, еще два кренделя сидят? И у каждого из них – такое доброе лицо. Как у наемного убийцы.

А я вот сел. Довезли они меня до вокзала. Спрашиваю – сколько с меня? Водила говорит: «Да ничего не надо. Вот если только пузырек нам возьмешь? Вон магазин.» Я ему деньги сую – тут на три пузырька хватает. А он свое гнет – здесь, типа, мать моя работает, нам светиться нельзя, потом скандалов не оберешься. Возьми сам, если не трудно. Ну, ладно, не трудно. Взял им пару пузырей, себе в дорогу пару. А водила мне и говорит: «Может, вместе тяпнем? За знакомство? Вон Вася в этом доме живет, к нему можно зайти.» Вот что значит – репа не варит! Пошел я с ними!

Мало что я могу вспомнить из той истории. Одни обрывки...

Помню, этот Вася поставил на стол бутылку «Фанты» – запивать, говорит. У меня еще мысль шевельнулась – если она полная – почему у нее горлышко изолентой замотано?

А потом – сижу на табуретке посреди кухни. Хорошо мне. Один из них потряс меня за плечо и кивнул другому. Тот из угла кухни разбежался и зафутболил ногой мне под челюсть.

Интересно. Помню – раздвоился я. Один на полу валяется, а другой рядом стоит, все происходящее наблюдает. Эти трое нагнулись надо мной – лежащим – один сжал мне руку выше локтя. чтобы вены вздулись, а другой ввел мне кубиков пять какой-то бурды.

Последнее. что осталось в памяти – голос: «Клиент созрел. Выкинем на помойку.»

Здоровая конкуренция – основа успешного бизнеса

Очнулся я от холода. Глаза открыл кое-как, огляделся в полумраке. Лежу я на железной каталке совсем голый. В пипиську какой-то шланг воткнут с пузырьком. На соседних каталках лежали такие же... натурщики.

И тишина. Попытался я собрать мысли в кучку. Не получилось. Лежал, лежал. И крупной дрожью дрожал.

Открылась дверь и зажегся свет. Появились две женщины в белых халатах: «О, гляди, Любаша! Ожил все-таки... киндерсюрприз с помойки. Говорил же Кулагин – у него сердце на троих было рассчитано, а досталось одному.» Они взялись за каталку и, не обращая на меня внимания, покатали по коридору, болтая о своем.

Нда-а... В общем отлежаться-то я отлежался. Челюсть, сломанная в двух местах, кое-как срослась, а вот память моя стала, как у Доцента из «Джентльменов удачи» – «вот здесь помню, а вот здесь... ничего не помню.»

А когда выписали меня из челябинской больницы – как обычно, за нарушения режима – вышел я на площадь перед вокзалом, посмотрел по сторонам и... задумался. Документов – нет. Денег – нуль. Связываться с Москвой не на что, да и незачем. В моей капитально ушибленной башке хватило

соображалки понять, что пока мне лучше побыть в покое-никах.

Размышления прервал подошедший мужик явно кавказского типа. «Здорово. Ну, что, братан – хочешь хорошо заработать?» Я вопросительно качнул головой: «Не понял. Это насчет чего?» Кавказец усмехнулся: «Чего тут непонятного? На заработки в Казахстан поедешь?» Тут я встрепенулся... и увял. Развел руки в разные стороны: «Документы у меня – тю-тю. Так что...» Работодатель почему-то обрадовался и обнял меня за плечи: «Так это хорошо! То-есть – сделаем тебе документы! Потом...» К сожалению, я – при всем разнообразии моей жизни – до тех пор ни разу не сталкивался с подобным набором на работу и понятия не имел, что такое «камышовый рай» и его филиалы. Поэтому с облегчением вздохнул и с симпатией посмотрел на кавказца – вот и выход из положения, которое минуту назад казалось безвыходным.

Руслан – так звали кавказца – довел меня до автобуса. Когда я влез внутрь, что-то шевельнулось в ушибленной голове. Уж больно странная обстановка была в автобусе. Почти все места были заняты какими-то оборванцами, большая часть которых спала в разнообразных позах. А те, кто не спал – явно были пьяные в драбадан. В проходе между сиденьями стояло два ящика водки. Смотрел, смотрел я на эту картину – так и не понял, что мне не нравится. Махнул рукой, вытащил из ящика полную бутылку и...

Очухались вновь «завербованные» уже в Казахстане,

в совхозе под названием

«Новоспасский». Как я выяснил впоследствии, обычно чеченцы покупали бичей в приемнике-распределителе, который был расположен в райцентре. А на этот раз кто—то из них посчитал, что им дешевле обойдется самим сгонять автобус в Россию и там набрать бродяг. Так они и сделали. Но при этом они не учли специфику нынешних времен. Они еще только собирались ехать в Россию, а ментам уже наступали обо всех их планах в подробностях. Поэтому чеченцы даже не успели начать распродажу живого товара – в совхоз прикатил точно такой же автобус – только с ментами – и всех привезенных бичей увезли в райцентровскую кутузку. И уже оттуда местные эксплуататоры набирали себе дармовую рабочую силу.

А насчет меня, спросите вы? А что – насчет меня? Как раз Союз нерушимый развалился, и документы восстановить возможности не было. И – забичевал я на семнадцать лет...

И не морочь людям головы

Вот интересное кино получается... Когда дубасишь кого-нибудь от всей души, еще если он здоровее тебя, или вообще их несколько – охренеть можно, какое удовольствие получаешь. Ходишь потом довольный, как слон. Ага. Но почему дней через несколько, как вспомнишь – так буквально блевать тянет? И нету таких интеллигентных мыслей в башке, типа, человек – венец творения, а я его по стенке размазываю. Нету. Просто тошно – и все тут.

Помню, как приятно было жить под крылом Шкипера. Заходишь в кабак, халдеи наперегонки несутся, коленки сшибают. Пажалста, пажалста, вот здесь вам будет удобнее, осетринка по спецзаказу, для вас придерживали, надеялись, зайдете... И тому подобное. Лабухи сразу все заказы побоку, заводили «Ваше благородие...» А уж девочки такой обстрел глазками начинали, что... мысли путались.

Но – давным-давно люди друг дружке доказывают, что в этой жизни за все приходится платить. В наши времена мобилок еще не было, поэтому связь держали либо малявами, либо... «а на словах велел передать». И вот приносит шестерка писульку от Шкипера. Там имя, фамилия и адрес. И слова «хорошо наказать».

Пошли мы с напарником. Позвонили, дверь сам клент открыл. Он явно нас ждал, потому как очень кислая морда

у него была. Зашли мы в хату, а там, кроме жены его, еще двое детей. Лет восьми-десяти. Я, как их увидел, сразу клиенту сказал: «Айда прогуляемся. По свежему воздуху». А он, падла такая, возьми да ляпни: «Не пойду я никуда, убивайте здесь!» Ну, ясный пень, начался... краковяк вприсядку. Баба в ноги нам рухнула, в соплях запуталась. А пацаны отца обхватили с двух сторон молчком, и на нас, как два волчонка, смотрят.

В общем, драться мне пришлось с напарником. После того, как он жене клиента ногой по голове заехал, а потом схватил одного пацана за волосы. Вытащил я все ж таки подельника из квартиры. Он мне всего наобещал, и мы разошлись.

Потом меня капитально отдудохали... за инакомыслие. И Шкипер на словах велел передать – лучше мне ему на глаза не попадаться.

А потом я узнал, что тот клиент с детьми – он взял бабки у... ну, считай, у Шкипера. Причем на дело. А сам их в картишки продул, свалил на ментовский шмон и думал – выкрутится. Умник, падла...

Я, когда малость выздоровел после воспитания, отловил этого кренделя. На нейтральной территории. Вломил, помню, по самые помидоры.

Это я к чему вспомнил-то? Каждому – свое. Если знаешь, что не способен отнять у ребенка конфету – дык сиди тогда в тенечке и пили лобзиком фанерку. И не морочь людям головы...

Обычный день бродяги

Тот день выдался для меня не особо веселым и удачным. С разрешения тогдашнего эксплуататора Анатолия Михалыча я калымил – штукатурил гараж на соседней улице у ингуша Руслана. Толик потом рассказывал – жалел он, что отпустил меня. Жена его Светка плешь ему переела: «Раз ты такой добрый – сам все делай!»

Сам Толик признавался по пьяни, што мое присутствие его разбаловало. То, что огород полит и прополот, поросята накормлены и у них убрано, двор чисто подметен – все это уже воспринималось, как должное. Замена розетки или выключателя, всякий ремонт – от табуретки до утюга – и даже хозяйской обуви – всем этим занимался я. Поэтому Толик прощал мне и загулы, и то, что я вполне был способен по пьянке что-нибудь спереть и пропить. (Ну, конечно, не то, чтобы совсем прощал. Морду набить – это само собой. Но – не выгонял.)

Завизжали петли железной калитки. (Вот тоже – давно уже смазать надо.) Я вошел во двор. Видок у меня был... живописный. Свежие синяки под обоими глазами; вся одежда заляпана засохшим раствором. Толик похлопал в ладоши: «Самолет летел, колеса терлися. Мы не ждали вас, а вы приперлися! Ну, не человек, а вылитый бамбуковый медведь. Чего на этот раз, Борис Федорович, изволили спереть, что

вам такой макияж навели?» Я мрачно посмотрел на смеющегося Толика: «Полмешка цемента пропало, а свалили на меня.» Толик кивнул: «Ну, ясное дело. Руслан сам цемент пропил, а чтоб жена не ругалась – тебя отдубасил. Ладно. Действительно – что Бог ни делает – оно все к лучшему. Сейчас большой бак завалим на бок. Надо всю ржавчину ободрать и по новой покрасить.» Я замялся, переступил с ноги на ногу и нерешительно начал: «Толь... это... я...» Толик развел руки в стороны: «Ваша драма нам понятна. Денежки тю-тю, а головушка – бо-бо. Иди-ка ты, божий одуванчик, в душ. И переоденься. А то, как Доцент из цементовоза. А говорил – порожняком пойдет.» И Толик хохотнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.